„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11) PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 15-16 (419-420)

18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

28 Августа 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К сессии Верховного Совета СССР.

Занятия второй сессии Верховного Совета СССР еще не закончились к тому времени, когда настоящий номер идет в печать. Но вряд-ли предстоящие еще заседания прибавят что-либо существенное к тому, что можно и сейчас уже сказать об этой сессии. Ибо самое характерное для этой сессии, как и для всех сессий всех парламентов и под-парламентов сталинского режима вообще, это именно то, что говорить о них почти нечего.

Конечно, можно и нужно говорить, как это делает в этом-же номере т. Шварц, о том, как существующий на деле режим единодержавия отражается на составе и порядке функционирования учреждений, введенных «самой демократической» на бумаге конституцией. Конечно, можно и нужно, как это делается уже в настоящем номере и будет делаться в последующих, освещать те вопросы, которые поставлены были в порядок дня сессии: бюджет, судоустройство, закон о гражданстве СССР, о ратификации международных договоров и т. д. И конечно, можно и нужно отметить в интересах правильной характеристики международного положения Советского Союза и международной политики сталинской диктатуры, что оказалось неверным высказанное многими иностранными газетами предположение, будто сессия Верховного Совета будет использована главным образом для шовинистически патриотической демонстрации по адресу Японии: принимая во внимание общий «стиль» советской агитации, надо признать, что все было сделано скорее для того, чтобы приглушить анти-японскую манифестацию, сведя ее до необходимого в данных условиях минимума, чем чтобы ее разжечь, и это, разумеется, не может не быть отмечено всеми поборниками мира, как явление «отрадное».

Таким образом, многое и о многом можно говорить «по поводу» сессии Верх. Совета и «в связи» с нею, но о с а м о й с е с с и и, как о не заурядном, казалось бы, п о л и т и ч е с к о м явлении советской жизни, сказать, повторяем, почти нечего. Правда, внешние формы парламентаризма соблюдались на этот раз лучше, чем во время первой сессии: доклады комиссий и законопроекты, вносимые по инициативе комиссий, трех- и четырех-дневные прения и довольно многочисленные поправки к правительственным законопроектам — все это создает, особенно для наблюдателей «со стороны», впечатление самого заправского парламента и, может быть, даже, имеет и чисто «деловое» значение для усовершенствования текста правительственных документов. Но п о л и т и ч е с к и весь смысл сессии был исчерпан в двух возгласах, прервавших первый-же доклад, сделанный по бюджету Наркомфином Зверевым совместному заседанию Совета Союза и Совета Национальностей: «Великому Сталину ура! Николаю Ивановичу Ежову ура!» Hourra toujours, politique jamais! «Ура — сколько угодно, политики — ни-ни!» — в эти щедринские рамки вмещается, увы, все политическое содержание сессии все-советского парламента, грядущее рождение которого было некогда возвеще-

но населению, как какая-то новая эра в жизни советского государства!

Об этом приходится говорить не с поверхностным злорадством, а с глубокой тревогой, как о явлении, сигнализирующем весьма мрачные перспективы дальнейшего политического развития Советского Союза и потому весьма грозном с точки зрения тесно связанных с этим развитием интересов советских и мировых трудящихся масс, советской и мировой демократии, советского и мирового социализма.

Политическая немощь или пустопорожность советского парламентаризма свидетельствует, если не о полном отсутствии, то, во всяком случае, о крайней слабости и недостаточности тех народных, рабочих и крестьянских, сил, которые могли бы использовать этот парламентаризм для обуздания и ликвидации сталинского единодержавия и его роковой политики. Но вытекающая из народной слабости политическая немощь советского, парламентаризма отнюдь не превращает этот парламентаризм в пустое место, в нечто, для дальнейших судеб Советского Союза и его народов совершенно безразличное и потому мимо чего можно пройти. Нет, дело обстоит гораздо хуже — она превращает его в новое и весьма действительное орудие укрепления того самого анти-народного единодержавия, которое при других условиях этот парламентаризм был бы должен и мог бы упразднить: оружие, которое не умеет или не может использовать боец, захватывает и пускает в ход противник!

Поскольку народные массы не умеют, не могут или даже не хотят еще бороться за право свободно избирать своих «избранников» и еще менее того умеют заставить их служить себе в «парламенте», постольку Сталин может превращать их в своих верных слуг, устанавливающих, не только через голову «парламентского» и советского, но и через голову партийного аппарата, нужную ему прямую, «плебисцитарную» связь между его единодержавием и массами. Депутатов, не испытывающих никакого систематического давления со стороны избирателей, Сталину нетрудно привязать к себе не только материальными выгодами, сопряженными с депутатством, но и элементами морального удовлетворения, естественно создающимися у тех тысяч всесоюзных, республиканских, областных и т. д. депутатов, которых поездки на «парламентские» сессии, участие в комиссиях, общение с правительством и вся, пусть даже чисто техническая работа парламентской машины заставляют впервые почувствовать себя «государственными деятелями» и — не всегда безуспешными — ходатаями перед верховною властью за местные «пользы и нужды». В обстановке политической пассивности масс всего этого за глаза довольно, чтобы сделать «депутатов», — а они, повторяем, насчитываются тысячами, — не только «очами и ушами» единодержца, но и активными проводниками его политики в массах, деятельными агентами его цезаризма.

Каков может быть финал такого развития, — об этом мы слишком часто говорили, чтобы надо было еще раз останавливаться на этом. Предотвратить его может только преодоление политической пассивности масс, пробуждение в них готовности и способности бороться за осуществление на деле тех прав, которые за ними числятся на бумаге. Работать над пробуждением политической активности масс — это не только главная, это, можно сказать, единственная задача, которая стоит перед всеми, кто хочет предотвратить катастрофу революции, демократии и социализма, подготовляемую сталинским единодержавием.

Ф. Д.

Вооруженное перемирие

Бои вокруг сопки Заозерной (Чанг Ку Фенг), стоившие десятков убитых и сотень раненых, закончились, к счастью, благополучно — без «перерастания» в настоящую советско-японскую войну.

Правда, «перерастания» этого в настоящий момент не могла хотеть ни одна из столкнувшихся сторон: не говоря уже о смертельной опасности, которою грозит сталинскому режиму всякая сколько-нибудь серьезная война, сталинской диктатуре не было никакого расчета ввязываться в войну на дальнем востоке Советского Союза, когда над его европейским западом нависла грозовая гитлеровская туча; с своей стороны, и японский империализм, так жестоко просчитавшийся в своих расчетах на легкую победу над Китаем, вряд-ли мог хотеть еще затруднить эту победу одновременной войной с противником, который тоже обладает огромной территорией и громадным населением, составляющими главную силу Китая, но еще значительно превосходит Китай по своей военной мощи. Но — события имеют свою логику, и логика эта создает подчас ситуации, когда суб'ективные желания уже перестают играть решающую роль. Кто мог поручиться в трагические дни начала августа, что пушки, гремевшие вокруг Заозерной, не возвещают начала «большой» советско-японской войны?

К счастью, на этот раз инцидент закончился благополучно, без войны. Но благополучие это весьма и весьма относительно. Компромисс, которым закончилось столкновение, не умиротворил и не разоружил противников, а заставил их еще грознее ощетиниться друг против друга всею мощью военной техники. Возникновение новых инцидентов не только не исключено, но стало еще более вероятным, и телеграф уже разносит по всему свету вести о новых «недоразумениях» между советскими и японскими войсками и о новых протестах и контр-протестах советской и японской дипломатии. Между Советским Союзом и Японией не создалось даже того, тоже достаточно неустойчивого положения, которое в старину называлось «вооруженным миром» и которое, как-никак, было все-же расчитано не на дни, недели или месяцы, а на годы. Говорить можно разве что о вооруженном перемирии, которое в любую минуту может быть прервано новыми инцидентами, способными сейчас же развязать настоящую войну.

Дальний Восток не составляет в этом отношении исключения. Весь свет живет ныне со дня на день под знаком «вооруженного перемирия», и везде и всюду создается положение, при котором суб'ективное «миролюбие» может оказаться бессильным перед воинствующей логикой событий. Как раз сейчас происходят небывалые по своему размаху «маневры» германской армии, и мировая печать всячески бодрится, успокоительно истолковывая их, как попытку «блэффа». Но, опять таки, кто может поручиться, что эти «маневры» не дадут последнего толчка нависшей над Европой во-

енной лавине, — если бы даже сам Гитлер и впрямь вадумал их как блэфф и если бы он и сам не хотел в данный момент падения этой лавины? И чародеи фашизма не всегда властны над вызываемыми ими духами!

Дальний Восток не только не составляет исключения, но самые бои вокруг Заозерной могут быть поняты лишь как одно из звеньев в цепи событий, составляющих в своей совокупности то «вооруженное перемирие», в тисках которого живет — или умирает? — современный капиталистический мир. Попытки об'яснить эти бои простой и, так сказать, самопроизвольной провокацией зазнавшейся японской военщины не выдерживают критики: весь ход событий показал, что японское правительство держит свою армию в руках, и, если была «провокация», то надо думать, что провокация эта была следствием тех инструкций, которые «военщина» получала от правительства.

В каких условиях могли быть даны подобные инструкции? Думается, что ключ к решению этого вопроса можно найти, если вспомнить обстановку недель, предшествовавших советско-японскому инциденту. Ожидалась очень скорая и решительная победа генерала Франко в Испании. Парализовав Францию, эта победа должна была облегчить Гитлеру оккупацию Чехословакии. Ничего нет удивительного в том, что на итальянского и японского членов фашисткого (якобы «анти-коминтернского!») блока, была возложена миссия содействовать этому «ударному» предприятию режиссера блока, каким все более становится Гитлеровская Германия: если Муссолини должен был оказать это содействие усиленной посылкой военного снаряжения и военной авиации генералу Франко, то на Японию естественно падала задача возможно большего отвлечения на Дальний Восток внимания и сил Советского Союза. Тут, как будто, только и можно искать разгадки «провокации», на первый взгляд так радикально противоречащей самым элементарным интересам японского империализма в данный момент: не имелась-ли в виду настоящая «диверсия» в интересах тех «мировых» целей, которые поставил себе фашистский блок, — диверсия, именно поэтому больше, чем что-либо другое, способная зажечь мировой пожар? Но — сначала героическая доблесть испанских республиканцев, не только остановивших натиск вооруженной до зубов контр-революции, но и перешедших в наступление, затем мужественное сопротивление Чехословацкой демократии, заставившее встрепенуться и Англию с Францией, спутали все карты. Пришлось отсрочить главную операцию — аннексию Чехословакии, а вместе с тем произошел разрыв во времени этой операции с намеченными вспомогательными: «провокация» японской «военщины» пришла в действие тогда, когда она Японии ничего, кроме прямого вреда для ее китайского похода, не сулила и когда гитлеровщина японскому империализму ничем, кроме «морального» сочувствия, помочь не могла. Не оставалось ничего другого, как бить отбой и устами японского дипломата в Париже совсем не-дипломатически плакаться на трудность «совместных действий» с Германией...

Советский Союз, а вместе с ним все человечество, был спасен от войны победами испанской революции

А. ШТЕЙН.

Антисемитизм, как орудие фашизма

Чрезвычайное обострение антиеврейской погромной политики в Германии и Австрии, а также внезапный уклон итальянского фашизма в сторону национал-социалистической расовой теории и преследования евреев снова привлекают внимание к вопросу о связи между фашизмом и антисемитизмом. Это не случайность — между ними в самом деле существует глубокая внутренняя связь, бросающая свет на корни и сущность международного фашизма. Если политика истребления австрийских евреев идет по линии «поравнения» Австрии с Германией, то вспышка еврейских погромов в Германии, после неудачи выступления против Чехословакии в мае этого года, а также капитуляция Муссолини перед гитлеровским антисемитизмом, тесно связаны съ внешнеполитическими проблемами об'единенного германо-итальянского фашизма.

Еще совсем недавно Муссолини очень резко отзывался о нац.-социалистическом «расизме» и отказался включить дискредитирование и преследование евреев (среди которых многие занимают крупные государственные посты в Италии)в свою программу. Если он стал теперь сторонником немецкой практики, то это доказывает, что в международном фашизме все более побеждает национал-социалистическая точка зрения, согласно которой антисемитизм является интегральной частью фашизма в целом.

Эта точка зрения — естественный продукт исторического развития немецкой разновидности фашизма, захватившей власть только благодаря тому, что все идеологически-реакционные явления немецкого развития (национализм, пангерманизм, милитаризм, антисемитизм и проч.) она возвела в «мировоззрение», об'единила вокруг себя все реакционные общественные слои и, прикрываясь антикапиталистическими лозунгами, сильно окрашенными в антисемитский цвет, проникла в пролетарские и полупролетарские слои, вовлекая часть их в свой поход против Веймарской республики и социалистического рабочего движения.

Пропагандируемый Гитлером антисемитизм преследовал вполне определенную цель. Он придавал остаткам антисемитского движения, игравшего довольно существенную роль в 70-х и 80-х годах прошлого столетия, но потерявшего впоследствии почти все свое политическое значение, чрезвычайную боевую силу, связывая его с чрезмерно раздутым национализмом и стремлением к политике реванша всех реакционных слоев в Веймарской республике. «Социализм дураков», как Бебель когда-то прозвал антисемитизм, он превратил в боевой антисемитизм, прототипом которого служили царская погромная политика и политика белогвардейской контрреволюции. Он тесно связал его со своей борьбой против Веймарской республики, как необходимую предпосылку для борьбы за новую роль Германии в мировой политике.

Для Гитлера, как и для всей верхушки национал-социалистической партии, «борьба против еврейства» была равнозначуща с борьбой против либерализма, марксизма и рабочего движения. В своей книге «Моя борьба» он ставит себе в заслугу, что положил свои антисемитские взгляды в основу национал-социалистического движения. В 1918 г. о сколько-нибудь систематическом антисемитизме в Германии не было и речи. Только национал-социалистическое движение дало ему громадный толчок: ему прежде всего удалось «вывести

и мужеством чехословацкой демократии.. Об этой связи событий, так убедительно еще раз свидетельствующей о «неделимости» войны и мира в наше время, должны помнить все, кто хочет бороться за мир. О ней, о том, что «мир в одной стране» еще большая утопия, чем «социализм в одной стране», должен больше всего помнить Советский Союз, волею судеб ставший центральной точкой приложения агрессивных тенденций фашизма и потому наиболее угрожаемый военною опасностью.

Источники военной опасности никоим образом не лежат сейчас в Советском Союзе. Они лежат, прежде всего, в фашистских режимах, вынужденных выгодами и блеском внешних предприятий заглушать угрожающие их существованию внутренние социальные антагонизмы. Они лежат, далеее, в непоследовательности и слабости мирной политики демократических держав, парализуемых в своем отпоре воинствующему фашизму опять таки социальными тяготениями своих господствующих классов. Время революцинно-экспансионистской политики советской диктатуры отошло в прошлое — нельзя сказать с полною уверенностью: безвозвратное, ибо обстоятельства меняются, но для данного момента во всяком случае далекое. В современной системе международных сил Советский Союз занимает позицию чисто оборонительную, и этого одного достаточно, чтобы обеспечить ему в столкновениях его с Германией-ли, с Японией-ли симпатии и деятельную поддержку всех поборников мира, —не говоря уже о тех мотивах социально-идеологического порядка, которые приковывают к стране великой революции внимание и сочувствие рабочего класса всех стран. Не социализм, хотя бы в его младенчески-примитивной и варварски-грубой форме большевизма, угрожает миру человечества, а дряхлеющий капитализм, судорожно мечущийся между садистскою похотью фашизма и старческой немощью.

Симпатии и поддержка всех поборников мира и, в первую голову, рабочего класса вполне справедливо сопутствовали Советскому Союзу и на всех стадиях конфликта его с Японией. Можно, конечно, упрекать Советский Союз в том, что и он «провоцировал» Японию, сосредоточивая на Дальнем Востоке громадные воинские силы не только для того, чтобы обеспечить свою собственную безопасность, но и для того, чтобы оказать косвенную помощь Китаю в его борьбе против японского нападения, заставляя Японию иммобилизовать значительную часть своих сил на советско-манчжурской границе. Но упреки такого рода могут носить лишь чисто формальный характер. Помогать очередным жертвам фашистского разбоя — это не только веление международной морали, но и веление политической дальновидности в борьбе за мир. Не Советский Союз, а те социальные силы, которые парализуют «анти-фашистскую» борьбу демократических держав за мир, несут ответственность за то, что недостаточность этой борьбы, приведшая на деле к крушению всю систему Лиги Наций и коллективной безопасности, не оставляет других средств для борьбы за мир и для защиты жертв фашистской агрессии, кроме тех, которые сами таят в себе новые военные опасности: безум-

---

эту проблему за пределы узко-ограниченного круга высших и мелкобуржуазных слоев и превратить ее в движущую силу широкого народного движения» (стр. 628).

В программе национал-социалистической партии боевой антисемитизм выявляется в очень резкой форме в целом ряде пунктов, трактующих вопрос об экспроприации и уничтожении евреев. Автор партийной программы, Федер, открыто заявляет в своем обосновании программы: «Антисемитизм является, так сказать, духовным фундаментом нашего движения. Каждый национал-социалист — антисемит».

***

Многое в воинственном, зверином антисемитизме национал-социалистического движения следует отнести за счет больной психики и прошлого его вождей. Гитлер стал фанатиком-антисемитом, когда, выбитый из колеи и деклассированный, влачил жалкое и голодное существование в Вене, живя «на дне», в ночлежке, и накоплял в себе жгучую ненависть к организованному рабочему движению и к еврейским конкуррентам в борьбе за существование. Штрейхер, близкий друг Гитлера и руководитель невероятно грязной и преступной травли против евреев, соединяет в себе черты садиста и дельца-порнографа, который в травле евреев находит удовлетворение своим извращенным наклонностям, и одновременно наживает капитал на своем журнале «Штюрмер», дразнящем самые низменные инстинкты масс. Альфред Розенберг, выходец из российско эстонской Прибалтики и духовный руководитель Гитлера — в особенности, в годы, предшествовавшие захвату власти, — со своей стороны способствовал тому, чтобы антисемитизм стал центральным пунктом в национал-социалистическом «миросоззрении» и чтобы погромная политика русских черносотенцев была перенесена на немецкую почву.

Эти три человека придали нео-германскому антисемитизму его звериный облик, — наложили на него печать больной психики.. Но его политическая сущность, его организационные функции и его практическое применение во внешней и во внутренней политике являются результатом холодной расчетливости политических разбойников и ловких демагогов, которые пользовались и пользуются антисемитскими лозунгами сначала, чтобы захватить власть, потом, чтобы все дальше продвигать и шире развертывать ее внутри и вне страны.

В первые годы Веймарской республики, при зарождении национал-социалистического движения, антисемитизм, как Гитлер сам подтверждает, был слабо развит. Для Гитлера он был, прежде всего, способом заручиться поддержкой потерпевших поражение генералов, помещиков, юнкеров и консервативной буржуазии.

Не случайно феодальные и капиталистические реакционные круги, начавшие сплачиваться после 1918 года, пользовались антисемитскими рычагами для мобилизации сил против республики и рабочего движения. Эти рычаги открыли им доступ к тем элементам мелкой буржуазии, крестьянства и интеллигенции, которые в евреях видели виновников всех послевоенных бедствий.

Борьба против Веймарской республики велась поэтому под лозунгом борьбы против «еврейской республики»; людей, стоявших во главе ее, называли не иначе как «прислужниками евреев», их травили и преследовали и старались доказать народу, что их политика диктуется «евреями и франкмасонами». Версальский договор, инфляция, большевизм, хозяйственный кризис, массовая безработица — все это было делом рук «международного еврейства», которому-де служит марксизм. Под антисемитскими лозунгами, разжигавшими националистические страсти, велась борьба против рес-

ная скачка вооружений, которой вынуждены предаваться демократические державы, ничем не отличается в этом отношении от того сосредоточения гигантских военных сил на Дальнем Востоке, к которому вынужден был прибегнуть Советский Союз, чтобы защитить самого себя и оказать посильную помощь Китаю.

Фашистская агрессия и недостаточность мирной политики демократических держав и являются первопричиной того, что весь земной шар обречен жить в состоянии «вооруженного перемирия», которое вот-вот закончится мировой войной, которое непременно закончится ею, если ряд народных революций не разрешит своевременно тех социальных проблем, в неразрешенности и в неразрешимости которых в рамках упадочного капитализма и лежат корни как буйного фашистского помешательства, так и старческой немощи дряхлеющего капиталистического общества. Именно поэтому «анти-фашизм» сам по себе еще отнюдь не достаточен для эффективной борьбы за мир. «Анти-фашистская» программа должна опираться на вполне определенную программу сплочения социальных сил, способных ударить не только по фашизму, но и по упадочно-капиталистическим корням его, чтобы быть подлинной программой мира.

Этот вывод должны иметь в виду все, кто хочет действительно бороться за мир и не хочет, чтобы борьба за мир превратилась в вольное или невольное, но во всяком случае слепое служение воинственному состязанию различных империализмов. Его особенно должен был бы не забывать Советский Союз, как страна, сама угрожаемая в первую голову фуриями войны.

Советскому Союзу или, точнее, сталинской диктатуре можно сказать, очень «повезло» в только что закончившемся японо-советском конфликте. Агрессивная роль Японии в данном случае была вполне очевидна, а собственные интересы Англии, Франции, Соединенных Штатов и подавляющего большинства государств Европы и всего мира не давали ни малейшего повода для замалчивания или затушевывания этой роли японского империализма. В этой обстановке на защиту Советского Союза выступила чуть не вся, даже крупнокапиталистическая пресса этих стран (вплоть до лондонского «Таймс»!), обычно относящаяся к Союзу весьма прохладно, если не прямо враждебно. Создались условия, при которых сближение Союза с Англией и Соединенными Штатами перестало казаться утопией и при которых решительный ответный удар дальне-восточной армии на японскую провокацию был благожелательно истолкован мировым общественным мнением (о рабочем классе нечего и говорить!), как доказательство мощи военных сил Советского Союза и прочности сталинского режима: кровью красноармейцев, падавших на склонах манчжурской сопки, начало смываться черное пятно, наложенное на этот режим позорными «процессами» и, особенно, расправой с Тухачевским, Гамарником и другими вождями Красной Армии.

Если бы правительство Советского Союза действительно было тем «народным» правительством, за которое оно себя выдает, оно должно было бы воспользо-

---

публики и создавался фундамент фашистского «государства в государстве», постепенно разрушавшего демократию извнутри и в конечном итоге приведшего ее к крушению.

С холодной расчетливостью разжигались при этом самые низменные инстинкты масс и велась спекуляция на колеблющиеся настроения отдельных общественных классов и слоев. Среди мелкой буржуазии и лиц свободных профессий старались всеми мерами возбудить зависть к еврейским конкуррентам и ненависть к евреям за проникновение на государственную и коммунальную службу, за их влияние на духовную и культурную жизнь страны. Среди рабочих и служащих делались попытки использовать антикапиталистические инстинкты: евреев обвиняли в том, что они являются «носителями капитализма». Это отнюдь не мешало, конечно, одновременно обвинять их в том, что они являются носителями «большевистско-марксистского разложения» и тем препятствуют победе «национального социализма», свойственного и подходящего германскому племени. Национально окрашенный «антимарксизм» и заостренный против евреев «анти-капитализм» сводился таким образом воедино, чтобы вырвать пролетариат из круга международно-социалистических идей и сделать его восприимчивым к «национально-народной» пропаганде. И вся эта агитация должна была вбить в головы читателей и слушателей явно нелепую мысль, будто возрождение Германии возможно только в том случае, если 600.000 немецких евреев, составляющих меньше 1% всего населения, будут без остатка устранены из немецкого организма.

* * *

В годы, предшествовавшие национал - социалистическому захвату власти, антисемитистский лозунг был, однако, не только средством для собирания реакционных сил и мобилизации той армии охотников за выгодными постами, которые составляли остов национал-социалистической партии. Антисемитизм должен был еще содействовать также «идеологическому» обоснованию национал-социалистического похода.

Не случайно национал-социалистическая пропаганда подхватила пангерманские традиции военного и довоенного времени и возвела их, в связи с расовой теорией, в государственную религию III рейха. Только созданный идеей пангерманизма и расовой теорией сверхнационализм мог породить ту пангерманскую манию величия и то стремление к покорению всего мира, которые лежат в основе национал-социалистического «динамизма» и которые превратили часть немецкой молодежи в фанатичных приверженцев завоевательной политики Гитлера.

В этом процессе выявления пангерманской мании величия немецкие евреи сыграли роль не только козлов отпущения, но и отсутствующих в Германии «негров». Они служили наиболее удобной и безопасной отдушиной для националистического психоза и идеи реванша. Наряду с материальными выгодами, с которыми связано изгнание и ограбление евреев, травля евреев, производимая с немецкой основательностью, давала прекрасную возможность на беззащитном меньшинстве практически испробовать идеологию насилия и моральной распущенности, свойственную национал-социалистическому режиму.

Вместе с социалистами и коммунистами евреи, без различия их партийной принадлежности (разве только за исключением небольшой привилегированной надслойки), были преданы на растерзание, причем неизменно выдвигался тезис, что в данном случае речь идет об уничтожении единого врага: «еврейско-марксистской мировой опасности». Сознательно-расчетливо национал-социализм связал борьбу против еврейства самым тесным образом с борьбой против демократии и рабочего движения, чтобы фигурировать перед лицом капиталистической буржуазии всего мира в роли

ваться этим благоприятным для него поворотом международной атмосферой прежде всего для того, чтобы выступить в роли подлинного организатора м е ж д у н а р о д н ы х сил для борьбы за мир теми единственно действительными методами, о которых говорилось выше.

Но на этот путь сталинская диктатура и не подумала вступить. Ее пресса и не подумала раз'яснить взбудораженному и встревоженному населению связь между благополучным исходом последнего инцидента и борьбой испанских революционеров, чехословацких социалистов и демократов, французского Народного Фронта, английской Рабочей Партии и т. д. Нет, вся «кампания» и в печати, и на собраниях велась в духе самого бесшабашнаго ура-патриотизма и милитаризма, самого неумного хвастовства своими победами, военными и дипломатическими: оглушенный этой кампанией советский читатель вряд-ли отдает себе отчет даже в том, что, как-никак, инцидент мог закончиться благополучно лишь потому, что о б е стороны пошли на компромисс и что сопка, из-за занятия которой красноармейцами весь сыр-бор загорелся, оказалась, в конце концов, очищенной войсками о б е и х сторон, т. е. возвращенной в порвобытное, до-инцидентное состояние — впредь до окончания работ разграничительной комисси, т. е. на неопределенное и, надо думать, отнюдь не короткое время.

Таким образом, внутри страны вопрос о м е ж д у н а р о д н ы х у с л о в и я х у с п е ш н о й б о р ь б ы за мир и, в частности, ограждения безопасности Советского Союза не был даже поставлен. Но за то, во всю был использован и продолжает использовываться манчжурский инцидент для у с и л е н и я т р а в л и «т р о ц к и с т с к о - б у х а р и н с к и х ш п и о н о в и и з м е н н и к о в», т. е. для продолжения и усиления той политики, которая не только везде и всюду вызывает представление о неизлечимом внутреннем пороке советского режима и о вытекающей отсюда органической слабости Советского Союза, но, что гораздо хуже, и на деле означает глубочайшую дезорганизацию всех военных, экономических, социальных и моральных сил страны и — вопреки все более громким, но от того не менее лицемерным крикам об «единстве» — увековечение раскола в мировом рабочем движении, т. е. в той силе, сплочение и крепость которой более всего нужны для спасения и Советского Союза, и всего человечества от военной катастрофы.

Но от этой политики сталинский режим отказаться не может, потому что политика эта, со всеми ее гибельными для страны и мира последствиями, есть непременное условие продления существования сталинского самодержавия. В обстановке «вооруженного перемирия» сталинский режим становится, таким образом, дополнительным источником военной опасности. Если везде и всюду интересы мира требуют социалистической ликвидации пережившего себя капитализма, то в Советском Союзе они требуют демократической ликвидации пережившего себя сталинского единодержавия. Содействие т а к о й ликвидации его — задача не только советского, но всего международного пролетариата.

защитника капиталистического порядка и борца против «еврейско-большевистской мировой опасности».

***

Здесь антисемитская в н у т р е н н я я п о л и т и к а национал социализма соприкасается с е г о в н е ш н е й п о л и т и к о й.

При чтении внешнеполитических построений Гитлера в его книге «Моя борьба» и Р о з е н б е р г а в его «Миф 20-го столетия» и «Будущие пути немецкой внешней политики», бросается в глаза, что их внешнеполитическая экспансионная политика, проводимая правительством III-го Рейха с большой последовательностью, в сильной степени опирается на идею, что «мировое еврейство» образует остов «мировой демократии» и «мирового большевизма». Из этого делается вывод, что Германия только тогда завоюет себе достойное «место под солнцем» и сможет осуществить свою пангерманскую программу, когда ей удастся искоренить во всем мире, вместе с демократией и социалистическим рабочим движением, влияние еврейства, когда антисемитизм станет во всем мире непременной составной частью государственной политики.

Этим об'ясняется, почему правительство Гитлера, несмотря на вред, наносимый ему, в особенности в области хозяйственной и финансовой, его антиеврейской погромной политикой, упорно продолжает рассматривать антисемитизм как э к с п о р т н ы й т о в а р и всеми мерами поощряет его распространение при помощи основанного в Эрфурте центрального учреждения, руководимого отставным полковником Флейшгауэром. Развязывание антисемитизма в других странах является для правительства Гитлера не только средством для усиления борьбы против демократии и социализма, но одновременно и способом для достижения поставленных им себе внешнеполитических целей.

Применяемая при этом тактика так же дифференцирована и приспособлена к соответствующим условиям разных стран, как в свое время она была приспособлена к специфическим особенностям отдельных общественных классов Веймарской республики. В то время как в демократических странах антисемитский лозунг связывается с борьбой против социализма, большевизма, Народного Фронта и т. д., чтобы взорвать изнутри демократический фронт и создать базис для фашизма, в странах реакционных, как напр., Польша, Румыния, Венгрия и т. д., еврейский вопрос служит платформой для собирания всех реакционных сил, об'ектом для маневра, предназначенного подготовить победу тотального фашизма. В свою очередь, на Ближнем Востоке и в Северной Африке антиеврейская агитация среди туземного населения используовывается для того, чтобы ослабить позицию Англии и Франции в их колониях и мандатных областях и открыть совместно выступающему германскому и итальянскому фашизму дорогу для международных интриг в этих странах.

В общем и целом, национал - социалистическая тактика характеризуется тем, что она, при помощи нового м а к к и а в е л и з м а во внутренней и внешней политике, старается разрушить демократические завоевания последних двух столетий, опрокинуть нынешнее соотношение сил между отдельными государствами и об'единить все реакционные силы в «Священный Союз» фашизма, для захвата гегемонии в мировой политике.

В этом и кроется причина того, что пресловутые «П р о т о к о л ы С и о н с к и х м у д р е ц о в», которые, как известно, представляют собой гнусную фальсификацию французских и русских полицейских агентов, положены в основу национал-социалистической пропаганды. В то же самое время, как парадоксально это ни звучит, пресловутые «Протоколы» служат своего рода политическим руководством для Гит-

С. ШВАРЦ.

Выхолащивание советского парламентаризма

Первые сессии Верховных Советов союзных республик прошли всюду по одному и тому же строго установленному шаблону. В оффициальных кругах Советского Союза это было принято, как что-то естественное. «Вождь народов» испытал, вероятно, от этой «плановой» гармонии даже известное удовлетворение, а его лакействующее «окружение» готово и по поводу этого единообразия вновь и вновь славить «самую демократическую в мире конституцию». А между тем даже враг не мог бы придумать более убедительной и более удручающей иллюстрации удушения «советского парламентаризма», чем эти лишенные всякого серьезного содержания и всюду совершенно тождественные псевдо-парламентские «инсценировки».

Процесс выхолащивания советского парламентаризма, порядком ущербленного уже в «Сталинской» конституции, развивается с головокружительной быстротой. Уже избирательный закон и избирательные инструкции (явные и тем более тайные), упразднившие избирательную борьбу и превратившие выборы в обязательное голосование за единственного и навязанного кандидата, лицемерно выступающего под фальшивым флагом «блока коммунистов и беспартийных» — нанесли чрезвычайно тяжелый удар системе советского парламентаризма. Но даже и эта система выборов оказалась недостаточно обеспечивающей «надежность» парламента, и уже в процессе избирательной кампании в ВС СССР она была дополнена — в прямое нарушение избирательного закона — широкой практикой замены перед самыми выборами зарегистрированных кандидатов новыми.

Но и избранный с такими предосторожностями парламент самым фактом своего существования должен был явиться какой-то угрозой системе диктатуры. И Сталин, видимо, опасался, — и не без основания, — что если дать Верховному Совету возможность заняться сколько-нибудь нормальной парламентской работой, т. е. приступить всерьез к законодательству и к контролю над деятельностью исполнительной власти, — то даже и в этом Верховном Совете неизбежно рано или поздно проявится стремление в какой-то мере превратиться в орган народной воли. Поэтому-то в сущности ни к какой работе Верховный Совет СССР так и не был допущен, и после семидневной парламентской сессии начались продолжавшиеся почти семь месяцев парламентские каникулы. А когда в июле были созваны Верховные Советы союзных республик, ритуал сведения парламента к нулю был уже освящен опытом всесоюзного Верховного Совета. Механизм удушения парламентаризма действовал без отказа.

лера и К-о: приписываемые евреям завоевательные планы национал-социалистические вожди на деле сами применяют в своей внутренней и внешней политике, чтобы захватить господство над миром *).

***

Не лишено пикантности то обстоятельство, что поворот Муссолини к антисемитизму и «расизму» связан с усиленным использованием «Протоколов Сионских мудрецов» для антисемитской пропаганды в Италии.

Несколько месяцев тому назад вышло в громадном количестве экземпляров новое итальянское издание «Протоколов», и глава фашистской милиции, Руссо, официально предписывал в циркуляре от 12 мая с. г. всем чернорубашечникам ознакомиться с содержанием этой книги, чтобы быть осведомленными о целях еврейского мирового заговора.

Подобные явления имеют свою внутреннюю логику: в то время как поворот Муссолини к антисемитизму и расизму сигнализирует его капитуляцию перед гитлеризмом, соответствующие заявления фашистской печати в Италии показывают, какие политические цели связываются с этой новой ориентацией в руководящих фашистских кругах. Вирджинио Гайда, один из ближайших сотрудников Муссолини, доказывает в оффициозном «Джиорнале д-Италия», что расовая политика и национальная политика друг с другом тождественны и ничего другого не означают, как борьбу против «Народного Фронта» в международном масштабе. Другой видный журналист, Старацe, заявляет, что борьба против евреев не только законна, но и необходима, так как «они в каждом государстве со своими людьми и средствами образуют генеральный штаб антифашизма». Как тов. А. Леру сообщает в парижском «Попюлэр», Муссолини обвиняет евреев Сити и Уольстрита в том, что они помешали осуществлению итальянского займа в Англии и Америке, в то время как еврейские интеллигенты изо всех сил стараются поднять американскую общественность против режима фашистских диктатур.

К указанным моментам в руководящих фашистских кругах Италии присоединяется еще надежда, что антисемитизм явится для Италии средством усиления ее влияния в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. В первом номере журнала «Защита расы» выставляется следующая программа: «Борьба против евреев означает усиление духовного влияния нашей страны, особенно на Европейском Востоке, на Балканах и в арабском мире». Таким образом итальянский фашизм, который вынужден был уступить Австрию и Придунайские области Гитлеру, надеется спасти хоть часть своих «интересов» в Восточной Европе и на Балканах тем, что становится соучастником погромной агитации национал-социалистов в Польше, Венгрии и Румынии.

В то же самое время он надеется, в особенности в виду осложнений в Абиссинии и Северной Африке, что антисемитская пропаганда в арабском мире поможет ему подорвать позицию Англии в Аравии и Палестине и усилить затруднения Франции в Сирии, Алжире и Марокко.

Эта новая тактика итальянского фашизма яркое доказательство того, что между антисемитизмом и фашизмом существует глубокая внутренняя связь. Давно прошло то время, когда можно было ограничиться только моральным осуждением антисемитской тактики национал-социализма. Эта тактика стала теперь крупным фактором мировой политики. Она стоит вместе с другими факторами в центре международной борьбы между фашизмом и антифашизмом, между национал-социалистическим варварством и защитой основ человеческой цивилизации.

*) Подробности об этом см. «Adolf Hitler, Schüller der Weisen von Zion», Verlagsanstalt «Graphia», Karlsbad, 1936.

Но и на этом «вождь народов» не остановился. Началась чистка парламентского представительства. Депутатская неприкосновенность, торжественно гарантированная конституцией (ст. 52), оказалась пустым звуком. Десятки депутатов были выброшены в «мусорный ящик истории», многие из них арестованы. Судьбе этой подверглись не только многие секретари обкомов (Ярославского — Зимин, Куйбышевского — Постышев, Донецкого — Прамнэк и Пиндюр и многие другие), — должность секретаря обкома оказалась особенно ненадежной, — но и многие высшие военные с 1-м заместителем наркомобороны маршалом Егоровым во главе, и даже многие наркомвнудельцы *). Процесс этот захватил и самые верхи государственного аппарата. На некоторых, мало известных или недостаточно освещенных фактах стоит остановиться несколько подробнее .

При открытии 1-ой сессии ВС СССР в январе текущего года обе палаты ВС избрали своих председателей и товарищей председателей. В Совете Союза председателем был избран секретарь ЦК Андреев, товарищами председателей проф. Лысенко и председатель Совнаркома Узбекистана Султан Сегизбаев. Но когда в июле собрался на свою первую сессию ВС Узбекистана, заявление о сложении Совнаркомом своих полномочий огласил в ВС уже не Сегизбаев, а зампред СНК Ковалев, и образование нового правительства было поручено Абдуджабару Абдурахманову (Ковалев остался зампредом СНК). Имя Сегизбаева в отчетах московских газет о сессии ВС Узбекистана уже просто не упоминается. Сегизбаев перешел в состояние небытия. И при открытии 2-ой сессии ВС СССР рядом с Андреевым сидел уже лишь проф. Лысенко. Сегизбаева не было. Но никто из депутатов не решился спросить, что случилось с товарищем председателя палаты, да и жив ли он еще *).

Аналогичная катастрофа произошла и с несколькими виднейшими членами СНК СССР (Ст. Косиор, Эйхе, м. б., Чубарь) и даже с рядом членов Президиума ВС СССР, т. е. коллективного главы Сов. Союза. В состав Президиума ВС входят кроме его председателя (Калинина) 11 товарищей председ., секретарь и 24 члена. Остановимся сейчас только на товарищах председателя, которым по смыслу конституции присвоено значительная роль: каждый из них представляет одну из 11 союзных республик и почти все они одновременно были в январе с. г. председателями ЦИК'ов в своих республиках. За двумя исключениями: товарищем председателя ВС СССР от РСФСР был избран председатель Московского Совета И. Хохлов (вместо Калинина, который по смыслу новой конституции не мог более совмещать высшие посты в СССР и РСФСР) и от Киргизии — председатель СНК Киргизии Мурат Салихов (вместо и. о. председателя ЦИК'а Султанкула Шамурзина, который хотя и был избран еще депутатом ВС СССР, но уже в январе явно находился в ущербе). Можно было ожидать, что при введении в действие новых конституций в союзных республиках товарищи председателя Президиума ВС СССР будут избраны — каждый в своей республике — председателями Президиумов ВС союзных республик. Но за те пол-года, что отделяют выборы Президиума ВС СССР от выборов Президиумов ВС союзных республик, трое из одиннадцати сошли на нет: это Г. И. Петровский (Украина), Нурбапа Умурзаков (Казахстан) и Мурат Салихов (Киргизия). Имена всех троих, — конечно, не без участия Москвы — совершенно исчезли из политической жизни; никаких постов в своих республиках они более не занимают, и сохранение ими постов товарищей председателя ВС СССР очень мало вероятно. Может быть, пройдет немного времени и они прямо будут об'явлены «врагами».

Но ведь это не только депутаты ВС СССР, это избранники Верховного Совета на самые высокие посты в Советском Союзе. — Нужды нет. Когда Сталин с Ежовым решают удалить кого-либо из политической жизни (а, может быть, и просто из жизни), конституция превращается в клочек бумаги и Верховный Совет не смеет даже и заикнуться по поводу насилия, совершенного над его избранниками.

***

На наших глазах происходит быстрое перерождение и самой «демократической» конституции. Внутренняя непрочность всей системы сталинской государственности выступает все явственнее. На одном примере это можно показать с особенной убедительностью.

С переходом от старой конституции к новой Президиум ЦИК'а был заменен Президиумом Верховного Совета .Но в то время как во главе Президиума ЦИК'а (и всего ЦИК'а) стояли семь формально равноправных председателей (по тогдашнему числу союзных республик), среди которых председатель ЦИК'а РСФСР Калинин был лишь «первым среди равных», президиум ВС СССР строится уже по другому принципу: во главе его стоит один председатель, ассистируемый 11 товарищами председателя (по числу союзных республик). Цель этого изменения не вызывала сомнений: место председателя Президиума ВС СССР подготовлялось для Сталина, который должен был таким образом стать конституционным главой государства. Сталин несомненно и сам первоначально лелеял эту мысль, но еще до созыва ВС СССР от нее отказался, поняв, что свою неограниченную власть он может сохранить лишь в роли внеконституционного главы государства. Но это значило, что и самая конституция будет очень скоро фактически сведена на нет. Уже во время 1-ой сессии ВС СССР Молотов, говоря о задачах нового Совнаркома, — в Европе такая речь является правительственной декларацией, — подчеркнул, что «во всех важнейших вопросах мы, Совет Народных Комиссаров, обратимся за советом и за указанием к Центральному Комитету большевистской партии и, прежде всего, к товарищу Сталину» («Правда» от 20-го января). Тем самым Совнарком, ответственный по конституции (ст. 65) лишь перед Верховным Советом (или в период между сессиями перед Президиумом ВС), оказывается в подчинении у ЦК ВКП и лично у Сталина! От Молотова не отстает и Булганин: на 1-ой сессии ВС РСФСР председатель СНК РСФСР (опять таки в правительственной

---

*) О наркомвнудельцах см. в № 12 «Соц. Вестника» обзор «Кризис Ежовского Наркомвнудела». Из перечисленных в этом обзоре «исчезнувших наркомвнудельцев» депутатов ВС СССР, двое отыскались: бывш. начупр НКВД Омской области **Валухин** оказался секретарем Свердловского обкома и членом ВС РСФСР, бывш. начупр НКВД Московской обл. **Реденс** — наркомвнуделом Казахской ССР. Но одновременно «пропал» предшественник Реденса по должности наркомвнудела Казахстана, член ВС СССР **Залин.**

*) Телеграф сообщает (московских газет с отчетом о сессии еще нет в нашем распоряжении), что и в Союзе Национальностей при открытии сессии обнаружилась недостача одного из товарищей председателя — **Левицкого.** А между тем, А. М. Левицкий, до последнего времени 2-ой секретарь ЦК КП Белоруссии, еще в середине июня был переизбран на с'езде КПБ в состав ЦК компартии, а затем на пленуме ЦК был переизбран в политбюро КПБ (хотя и не переизбран секретарем ЦК).

декларации) выражает свою готовность «счастливой возможностью получать непосредственные указания Ленинско-Сталинского ЦК и лично товарища Сталина» («Правда» от 21-го июля). Правительство оказывается таким образом в подчинении у компартии и у диктаторски управляющего ею «вождя». Парламентская республика, какой по конституции — при всей ее уродливости — является Советский Союз, все более вытеснятся системой партийно-диктаториального самодержавия.

Это стремление Сталина фактически перелицовать конституцию на диктаториальный, или скажем проще, на бонапартистский, полуфашистский лад все чаще обнаруживается и в большом и в малом. Примеров тому множество; останавливаться на них в рамках настоящей статьи уже нет возможности. Но одну иллюстрацию к этой эволюции все же стоит отметить: во время состоявшихся недавно первых сессий Верховных Советов союзных республик в 10 республиках из 11 председателями Верховных Советов избраны секретари ЦК национальных компартий (в РСФСР секретарь ЦК ВКП) *). Непосредственное подчинение парламентов компартии нашло свое организационное оформление.

*) Единственное исключение — ВС Белоруссии, где председателем избрана до сих пор совершенно неизвестная **Надежда Грек**, о профессии которой «Правда» почему-то хранит молчание.

П. ГАРВИ.

Судебная реформа

Сталинская «эпоха великих реформ», имеющих целью всестороннюю перестройку советской государственности на плебисцитарных началах социал-цезаризма, продолжается. Очередная реформа касается организации суда.

В заседании Совета Народных Комиссаров СССР от 26 июля был одобрен разработанный особой комиссией под председательством Молотова проект «Положения о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик». Проект был внесен на утверждение августовской сессии Верховного Совета СССР, как раз обсуждающей его, когда пишутся эти строки.

Чем вызвана эта реформа советского суда? Формально — необходимостью согласовать законодательство о судоустройстве с новой советской конституцией. О настоятельности такого согласования писал еще два года тому назад прокурор СССР Вышинский («Известия» от 1 июня 1936 г.), когда сталинская конституция была еще только проектом. В официальных комментариях к проекту нового «Положения о судоустройстве» наркомюст Рычков, сменивший на этом посту упраздненного Крыленко, приводит тот же мотив: «В соответствии с принципами сталинской Конституции должна быть организована судебная система социалистического государства рабочих и крестьян» («Правда» от 2 августа 1938 г.).

Согласование советского судоустройства с новой конституцией предусмотрено, впрочем, в самом тексте последней. Статьи 102-112 конституции формулируют основные положения, касающиеся задач, организации и деятельности суда. Кроме того, необходимость реформы суда вызывалась еще и тем обстоятельством, что, согласно ст. 14 той же сталинской конституции СССР, законодательство о судоустройстве отнесено к ведению Союза. Как известно, старый закон 29 октября 1924 г. об «Основах судоустройства СССР и союзных республик» устанавливал лишь основные принципы организации суда, детальные же законы о судоустройстве издавались союзными республиками.

Но кроме этих формальных мотивов, связанных с принятием новой конституции, авторитетный комментатор нового «Положения» приводит и мотивы иного порядка. В стране произошли «громаднейшие сдвиги», и законодательство 1924 г. не отвечает уже новым требованиям.

В самом деле. Судебная реформа 1924 г., пришедшая на смену первозданному хаосу и правотворческим экспериментам левого с.-р. Штейнберга в первый «красногвардейский» период октябрьской революции и пресловутому «Стучкину суду» эпохи военного коммунизма и гражданской войны, отразила условия промежуточной и противоречивой эпохи Нэпа. В обстановке «генеральной линии» и особенно в нынешних условиях «завершенного социализма», «бесклассового общества» и сталинского «демократизма» судебные уставы 1924 г. оказались «несозвучными эпохе». Кроме того, вырождение и разложение советской юстиции, всегда бывшей одним из самых узких мест советского строя, пошло в последнее время таким темпом, что вызвало растущее недовольство населения.

В порядке казенной самокритики, т. е. сваливания ответственности на «вредительскую» деятельность предшественника, наркомюст Рычков сам констатирует, что «далеко не все наши суды работают так, как этого требуют интересы социалистического государства», что «в работе наших судов имеется много недостатков», что нередко наблюдаются случаи «неправильного решения судами дел по существу и даже прямого нарушения закона», что еще не устранены «медлительность и волокита» и т. п.

Но эта осторожная оценка советской юстиции далеко еще не дает полной картины царящего в царстве Сталина неправосудия. Юридическое невежество судей, подбираемых по признаку личной преданности «вождю народов», зависимость низших звеньев судебной иерархии от местных парторганов, а высших — от Кремля и Лубянки, подмена велений «революционной совести» и даже ясных требований закона угодничеством перед власть имущими, а нередко и мотивами еще более низменного свойства, — все это, вместе взятое, куда больше напоминает стародавние времена, когда крепостная Россия была, по слову поэта, «в судах черна неправдой черной», чем правосудие эпохи социалистического гуманизма.

Заведомую неправду утверждает Рычков, когда пишет, что на всех этапах октябрьской революции и советской власти «суд строился и действовал на прочных основаниях советской демократии» и что советский суд «всегда был во много раз демократичнее буржуазного суда любой, самой демократической буржуазной страны». Старшее поколение русских граждан помнит еще, что даже искалеченные реакцией судебные уставы 1864 г., особенно суд присяжных и независимая адвокатура, давали населению России, царской России, неизмеримо больше реальных гарантий правосудия, чем

судебные эксперименты Стучки и Крыленко. Но и более молодое поколение не может не испытывать недовольства существующими судебными порядками: во все времена и у всех народов неправосудие ощущалось с особенной, болезненной остротой.

Неудивительно, поэтому, что Сталин, стремясь к упорядочению диктатуры в целях ее увековечения, делает попытку притушить недовольство, реформируя судоустройство в духе, вернее, по шаблону новой «демократической» конституции, носящей его имя.

***

С формально-юридической точки зрения новое «Положение о судоустройстве» бесспорно является шагом вперед по сравнению с законами 1924 г. *). Многие положения судебной реформы, сами по себе, — если вырвать их из политического контекста диктатуры — кажутся последовательным проведением прогрессивных демократических начал в области судоустройства. Но ведь то же самое можно сказать и о советской конституции, детищем которой является судебная реформа.

В самом деле, новое «Положение о судоустройстве», определяя в ст. 2 задачи советского правосудия, дословно повторяет формулировки соответствующего раздела сталинской конституции: защита государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан Союза и т. п. Это определение исходит из фикции существования в Сов. России бесклассового общества и социалистического хозяйства, тем самым внося элемент внутреннего противоречия, лицемерия и лжи во всю правовую «надстройку», включая и правосудие.

Нестерпимой фальшью звучит заключительный абзац ст. 2 «Положения», формулирующей задачи правосудия: «Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР». Точно для ГПУ (учреждение!) или для Ежова (должностное лицо!) законы писаны! В том то и горе, что в советской действительности отсутствует то, что отличает всякий, даже рудиментарный, правовой строй — выделение некоей, автономной от государственной власти, сферы свободной деятельности для отдельного гражданина и для независимых об'единений граждан. В правовом строе законы связывают не только население, но и власть, — и только это дает суду возможность стоять на страже закона «не взирая на лица и на места». В тоталитарном государстве власть на деле не связана законом, — и потому стоит выше суда и приказывает правосудию.

В соответствии со ст. 112 Конституции СССР, ст. 6-я нового «Положения о судоустройстве» устанавливает основной принцип правосудия — независимость судей: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Комментируя, в порядке славословия, ст. 6. «Положения», Рычков пишет в той же «Правде»: «В советском государстве судья решает судебные дела по своему убеждению, по своей совести, вне зависимости от чьего либо влияния со стороны, подчиняясь только закону». Гарантию, «необходимую и достаточную», действительной независимости нового судьи Рычков видит только в изменении порядка смещения судей. По законам 1924 г. народные судьи могли быть в любой момент отозваны краевым или областным Исполкомом. Согласно ст. 17 нового «Положения», освобождение судей от должности и народных заседателей от их обязанностей допускается не иначе, как по отзыву избирателей, или в силу состоявшегося о них приговора суда. «Никто, кроме самих избирателей, — торжествующе заявляет Рычков,—не может сместить судью с должности». По форме перед нами как будто существенный прогресс в направлении усиления гарантий независимости судей, по сути дела — никаких реальных гарантий, ибо при распыленности и фактической бесправности массы населения право отзыва судей будет осуществляться в интересах сталинского самодержавия монопольным организатором народного волеиз'явления во всех областях государственной и общественной жизни, партийным аппаратом диктатуры.

***

В этой замене классового выборного принципа всенародным, демократическим, устраняющим средостение многостепенной советской системы, заключается главная особенность судебной реформы, как и предшествовавшей ей конституционной реформы. В области судоустройства проводится та же перестройка куриальной советской системы, связанной с представительством от предприятий коллективов, в формально-демократическую, всенародную, а на деле плебисцитарную, опирающуюся на «суверенную» людскую пыль, охватываемую территориальными делениями страны, которая характерна для всей конституционной реформы Сталина.

Старые законы о судоустройстве (1924 г.) предусматривали избрание народных судей райисполкомами и горсоветами. По новому «Положению» народные судьи избираются гражданами района на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права *). Согласно ст. 11 «Положения», судьями и народными заседателями могут быть все граждане, пользующиеся избирательными правами. Прежние ограничительные требования для занятия должности судьи (двухлетний стаж политической работы или трехлетний стаж работы в органах юстиции, а для судей высших инстанций еще более повышенные требования) новым «Положением» отменяются.

Эта «невиданная до сих пор демократизация народного суда» (слова Рычкова) подкупает простотой и стройностью метрической системы мер. Она могла бы, конечно, в условиях политической свободы и подлинного народовластия действительно поднять правосудие в России «на невиданную в истории человечества высоту». Но в условиях тоталитарного государства все демократические принципы превращаются в звук пустой или в прикрытие фактического безвластия и бесправия народа.

Выборность судей — великая гарантия правосудия, когда избиратели имеют возможность выбора, т. е. свободу выставления кандидатов, свободу агитации за

---

*) Единство судебной организации на всей территории Союза; лишение вышестоящих судов функции судебного управления по отношению к нижестоящим судам; сокращение многочисленных инстанций, которым старые законы 1924 г. давали возможность пересмотра вступивших в законную силу приговоров и решений судов, что вело к волоките и лишало судебные приговоры и решения необходимой устойчивости; открытое разбирательство дел во всех судах СССР, поскольку законом не предусмотрены ограничения; обеспечение обвиняемому права на защиту; упорядочение права обжалования и опротестования приговоров и т. п.

*) Окружные, областные, краевые суды и суды автономных областей избираются, по новому Положению, соответствующими Советами Депутатов Трудящихся, верховные суды автономных и союзных республик — Верховными Советами этих республик, а Верховный суд СССР и специальные суды (военные трибуналы и т. д.) — Верховным Советом СССР.

них, подлинную свободу и подлинную тайну голосования за кандидатов. А между тем оффициальный комментатор нового «Положения о судоустройстве» сам сводит нас с небес на землю, об'являя «важнейшим условием», обеспечивающим успех судебной реформы, «подбор проверенных в политическом и деловом отношениях, преданных родине и делу Ленина-Сталина кадров судебных работников, пользующихся авторитетом и доверием трудящихся масс». Мы хорошо знаем по опыту выборов в советы по новой конституции, что при подборе «проверенных кадров» решающим является не доверие трудящихся масс, а доверие партийного аппарата диктатуры.

Вот почему не звучит благовестом и новая, юридически безукоризненная, сама по себе безусловно прогрессивная формулировка принципа равного для всех граждан правосудия*). Пока «правосудие» на деле осуществляется для целых категорий граждан не органами юстиции, а органами политической полиции, вмешивающимися и в область экономических и имущественных взаимоотношений граждан, о равенстве перед законом и о равном для всех суде говорит не приходится. Но и оставаясь в пределах юстиции невольно настораживаешься, когда читаешь в комментариях наркомюста Рычкова, что «предстоящие всенародные выборы народных судей и народных заседателей, а также выборы всех других судов еще более укрепят советский суд, как орган диктатуры рабочего класса».

Диктатура рабочего класса в бесклассовом социалистическом обществе это логический абсурд. Но если взять в исторические кавычки «диктатуру рабочего класса» и «бесклассовое» общество», т. е., если подойти к советской действительности не с точки зрения оффициальной фразеологии, а с точки зрения экономических, социальных и политических реальностей, то перед нами окажется знакомая картина выродившейся в личное самодержавие Сталина партийной диктатуры, опирающейся на подобранные кадры «политически проверенных» мамелюков во всех частях государственного и хозяйственного аппарата, и подводящей под себя «правовой» фундамент лжедемократии.

*) Ст. 5 «Положения» устанавливает, что «правосудие в СССР осуществляется на началах: а) единого и равного для всех суда, независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан; б) единого и обязательного для всех судов уголовного, гражданского и процессуального законодательства СССР».

Как и в новой конституции, в судебной реформе Сталина есть основной порок, обрекающий ее на бесплодие и умирание: форма демократии, сущность диктатуры. При сохранении разрыва между безответственной властью и бесправным населением суд на деле не может быть равным для всех, суд не может быть независимым, суд не может быть органом правосудия *).

Область права есть та именно часть «надстройки», которая ближе всего соприкасается с областью чистой политики, с организацией и функционированием государственной власти. Об этом вспоминают обычно лишь в особо ярких случаях проституирования суда на потребу диктатуры, как, напр., вредительские и шпионские «процессы ведьм». Но будни советской юстиции не менее убедительно свидетельствуют о невозможности правосудия при режиме диктатуры. Самое совершенное судоустройство не обеспечит суда «скорого, правого и милостивого», пока юстиция останется, как, раньше, служанкой диктатуры.

*) Статья наша была написана до окончания второй «Сессии», а на деле **митинга** Верховного Совета СССР. Из всех выступлений следует выделить речь **Вышинского,** этого истинного вдохновителя судебной реформы. Этот беспринципный и кровожадный постановщик московских «процессов ведьм» говорил о необходимости поддержки общественного мнения и печати для создания моральной атмосферы среди рабочих и крестьян, облегчающий деятельность суда, и особенно о необходимости **«судебной культуры»** для поднятия авторитета суда. Точно судебная культура, независимое общественное мнение и свободная печать — эти необходимые условия правосудия — совместимы с существованием режима террористической диктатуры! Вышинский в роли проповедника общественной морали и судебной культуры это то же, что Сталин в роли творца демократии и хранителя народной свободы.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературно-революционные портреты

I. В. МАЯКОВСКИЙ.

В дни, когда в советском обществе актуальным стало заниматься вопросами «культурного наследства» далекого прошлого, полезно когда-нибудь продумать более близ-лежащее — литературное наследство уходящей революции, оставленное умершими, ушедшими и «уйденными» писателями мятежного двадцатилетия. В этом наследстве вклад Маяковского занимает большое место.

Русской революции не повезло с поэтами: Александр Блок, самый выдающийся лирик начала столетия, создав поэму «Двенадцать», благословившую Октябрь, умер очень рано, летом 1921 года. И, хотя умер он «своею смертью», вокруг него, еще живого, возникла, с годами выросшая в целую легенду молва, что умирает он не от болезни, а оттого, что ему «нечем дышать».

Сергей Есенин, самый яркий и песенный крестьянский поэт революции, покончил с собою в 1925 году.

Владимир Маяковский, «агитатор, горлан-главарь», застрелился в разгар первой пятилетки. Если в отношении Блока и Есенина еще можно было с большой натяжкой говорить, что они ушли из жизни потому, что социально и эмоционально остались чужды революции, то в отношении Маяковского это об'яснение явно не выдерживает критики: у Октябрьской революции не было поэта более близкого ей по духу, темпераменту и размаху, чем Маяковский. «Владимир Владимирович, зачем, зачем вы это сделали?» — спрашивал, стоя у гроба поэта, Бухарин, не довольствуясь официальным раз'яснением печати, что предварительное следствие по делу о самоубийстве установило, что оно «вызвано мотивами чисто личного характера». Смерть поэта заставила вздрогнуть лучших представителей молодого общества, смутно почувствовать тайную связь между личной трагедией Маяковского и собственной общественной драмой.

В литературу революции Маяковский ворвался опоясанный, — как солдат пулеметными лентами, — «без'языкой, корчащейся улицей». И потому, что этой ули-

це «нечем (было) кричать и разговаривать», он сломал привычные размеры стиха, перебил строчкам ноги, в благонамеренный лирический пейзаж вдвинул трактиры, горящие публичные дома, взбаламученную уличную толпу, — предчувствие революции. Правда, большинство писателей предчувствовало ее, но это большинство, предчувствуя, страшилось кровавого смерча, один Маяковский поджидал революцию с ликующим нетерпением, творчески рос, страстно веря в то, что «революция — прачка святая, с мылом всю грязь лица земного» смоет. Вот почему, когда она грянула, он ринулся в нее весь, без остатка, не боясь уронить свое поэтическое достоинство работой ни над «шершавым языком плаката», ни над уличной частушкой. Это его двустишие — «ешь ананасы, рябчиков жуй, конец твой приходит, проклятый буржуй» — распевали матросы, идя на штурм Зимнего в Октябре 1917 года.

Поэт и улица Октябрьской революции, со всем, что было в ней великого, но и исторически ограниченного, понимали друг друга с полуслова. Это время позже получило прозвище «изустного периода литературы», хотя правильнее было бы назвать его периодом р е в о л ю ц и о н н о г о ф о л ь к л о р а: Маяковский творил с голоса взбудораженных масс, слушал и воспроизводил их чувства и мысли, они слушали его, узнавая себя в нем. При всем том Маяковский никогда не подлаживался, никогда не «подсюсюкивал» революционной улице, как это делали и еще делают многие советские поэты.

Первые годы революции были продолжением бурного творческого разлива Маяковского. Кроме напряженной текущей работы, Маяковский создает поэму «150.000.000» и сатирическую «Мистерию-Буфф». Эти два произведения воплощают в себе две линии творчества Маяковского — патетическую и сатирическую, сочетание редкое, имевшее в русской литературе только одного предшественника в лице Державина. Недостаток места не позволяет остановиться на этих вещах. Обе они, особенно «Мистерия-Буфф», натолкнулись на суровую оценку за их «непонятность». После долгих злоключений «Мистерию» взял к постановке Мейерхольд, но актеры не хотели вдумываться в трудные и новые роли и дело кончилось резолюцией МК компартии: «ввиду огромных затрат и вредоносности пьесы, таковую прекратить». Узнав о резолюции, Маяковский пригласил всех наиболее влиятельных членов МК и ночью в театре сам прочитал им пьесу: лед был сломан, пьеса была принята Большим театром.

Мы остановились на истории с постановкой «Мистерии» потому, что конфликт с официальными руководителями советского искусства превратился в постоянного спутника творчества Маяковского. Большинство его вещей встречали непонимание. Сам Маяковский об'яснял себе это тем, что в новое общество, несмотря на революцию, перешла по наследству «старая эстетическая косность». Дело, увы, обстояло гораздо сложнее, чем казалось или хотело казаться поэту. Конфликт этот вовсе не исчерпывался вопросами эстетики. Маяковский был большим политическим лириком. В программе «Лефа» он первый об'явил войну не только всему «старому», но и хотел бороться против тех, что «возводит отдельные этапы нашей борьбы в новый канон и трафарет», против тех, «кто плетется в хвосте»... «к т о п о э з и ю с о б с т в е н н ы х д о м и к о в з а м е н и л п о э з и е й с о б с т в е н н ы х д о м к о м о в».

Адресат был назван, и этот адресат — нарождавшаяся и тогда еще суб'ективно-революционная бюрократия — почувствовал себя глубоко уязвленным нападками «богемствующего», «деклассированного индивидуалиста». Начавшийся в конце «военного коммунизма» процесс самозамыкания революции имел свою логику: новые общественные верхи нуждались не в революционерах, а в м а ж о р д о м а х, в у п р а в л я ю щ и х р е в о л ю ц и о н н о й с т и х и е й. Маяковский-же, на всю жизнь потрясенный в з м а х о м революции в первые месяцы ее существования, до конца своих дней не мог примириться с оползанием и разжижением революционной страсти. Он ненавидел нэп, считая его виновником возрождения старого, ненавистного быта. Именно с этих пор в нем крепнет сатирическая струя, именно с этих пор ополчается он на новое коммунистическое мещанство, налету умея схватывать мельчайшие его проявления: «Каким кубарем летели под ударами Маяковского канарейки, горшки с геранью, двуспальные кровати и прочие аттрибуты мизерабельного счастьица!» — вспоминал в своих «Этюдах» Бухарин.

Но Маяковский вовсе не довольствовался разоблачением «маленьких недостатков механизма», он не останавливался и перед сильными коммунистического мира, высмеивая вельможные аллюры коммунистических сановников, из первых кресел партера бросавших поэту упрек: «вас не понимают рабочие и крестьяне». Обличительная струя в творчестве Маяковского нашла свое завершение в двух комедиях: «Клоп» и «Баня». Впрочем, «Баня» не столько комедия, сколько политический памфлет на коммунистическую бюрократию. Заключительная фраза «Бани» — вопрос, обращенный главначпупсом Победоносиковым (под которым выведен Луначарский) к автору, актерам и зрителям: «Что вы хотели этим сказать, — что я и в роде, — мы не нужны для коммунизма?» — являлся одновременно и приговором Маяковского. Именно об исторической ненужности, паразитичности бюрократии и кричит весь этот напряженный политический памфлет.

Но если Маяковский всем своим нутром ненавидел бюрократов, они тоже не оставались в долгу перед ним. Только историк советской литературы, которому будут доступны все матерьялы о творчестве поэта, сможет набросать картину взаимоотношений официальной коммунистической общественности с ее самым крупным политическим лириком и одописцем. Из этих матерьялов встанет новый образ поэта, который напомнит читателям образ и судьбу многих независимых дореволюционных писателей, умученных цензурой, преследованиями и опекой царской власти. Ибо в реальности, а не по позднейшей официальной легенде, сложившейся о Маяковском, в лице официальной критики, являющейся рупором советской бюрократии, поэт нажил себе своего злейшего врага. Пользуясь фразой Ленина о том, что он «непонятен», она изображала Маяковского «мелкобуржуазным анархистом», разоблачая его «богемские замашки» и «непролетарский индивидуализм». Но даже оставляя в стороне узко-мстительные мотивы, Маяковский, вскормленный «мира кормилицей — гиперболой» — по существу был глубоко чужд этой критике. Он шокировал ее глыбистостью, всамделишностью своего революционного темперамента, глубиной своего лиризма, в котором «сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою»; советской критике, по примеру Екатерины Великой, любящей сатиру только «у л ы б а т е л ь н о г о р о д а», было особенно не по себе от сатирических вещей Маяковского. Она травила поэта, как могла: мелкими щипками, уколами, иногда пуская в ход и лесть — ничего не помогало! Чем дальше — тем больше становилось ясным: критика боится поэта.

Это чувствовал и сам Маяковский. Иногда это его тешило, иногда расслабляло. Кость от кости Октябрь-

ской революции — ему ведь некуда было деться, некуда податься! Он не мыслил себе жизни вне рамок страны Октярьской революции. И он тешил себя надеждой, что если в серьез и по настоящему взяться за чистку авгиевых конюшен, можно еще что-то спасти. Вот откуда в его творчестве периода нэпа наряду с обличительством, ослабляя его ударность и действенность, появляется дидактизм, нравоучительство. В революционной литературе нэпа он чувствует себя как бы старшим сыном в семье, где умер отец: ему тошно от агиток, и он бы хотел по примеру младших порезвиться «романсом», но ничего не поделаешь — надо вытягивать семью, надо наступать «на горло собственной песне». Наперекор своей стремительной искренности (вот еще черточка, роднящая его с Державиным, о котором современники говорили, что он «в правде — чорт!») он говорит не то, что думает. Так, например, желая смягчить впечатление от самоубийства Есенина, он в стихотворении на смерть поэта, наряду с строчками глубокого волнения («Тяжело и неуместно разводить мистерии: у народа, у языкотворца умер звонкий забулдыга подмастерье») — вымучивает из себя нравоучительные советские сентенции.

Впрочем, куда уже дальше: пулей подводя итог собственной жизни, Маяковский принимает все меры к тому, чтобы по возможности ослабить «вред» от своего самоубийства и пишет прощальное письмо: «Товарищ-правительство, пожалей мою маму, устрой мою лилию-сестру. В столе лежат две тыщи, пусть фининспектор взыщет, а я себе спокойненько умру».

Большой революционный поэт, пуская себе пулю в лоб, он мимирует хоть и независимого, но верноподданного дворянина режима! Но и в этих чувствах Маяковский не кривил душой, не лицемерил. В Маяковском, при всех его отталкиваниях от бюрократии, за годы революции выросла «государственная» душа. Ее глубоко умел почувствовать поэт Пастернак («Охранная грамота»), сказавший, что Маяковский и советское государство чем-то были похожи друг на друга, «связь между ними была так разительна, что они могли казаться близнецами».

Эта органическая связь Маяковского не только с Октябрьской революцией, дававшей ему творческие импульсы, но и связь с режимом, наступавшим на горло его песне и приведшим поэта к тупику самоубийства, — в полной мере осозналась только после смерти Маяковского: при жизни травимый или зело опекаемый, Маяковский остался нужным режиму и после смерти. Это с предельной ясностью сказалось в 1935 году в фразе Сталина, что «Маяковский был и остается лучшим поэтом революционной эпохи». Взаимоотношения Маяковского с режимом чем-то напоминают взаимоотношения Пушкина с режимом его времени. Зная о том, что Пушкину некуда деться, царская власть стремилась приручить поэта, сделать из него благообразного и благонамеренного пиита. Через своих ставленников эта власть подчеркивала в Пушкине его лояльность режиму. Советская власть через официальную критику своеобразно повторяет эти приемы, всячески популяризуя стихи Маяковского из поэмы «Во весь голос»; «Сочтемся славою, ведь мы свои-же люди. — Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм».

Интересна и другая параллель: наряду с официальной популяризацией Пушкина со стороны правительства — тропинками нехоженными — шло песенное усвоение Пушкина толщей городского трудового люда. То же наблюдается и с Маяковским. По свидетельству Шкловского («В поисках оптимизма») прощальное письмо Маяковского, адресованное советскому правительству, распевают в трамваях беспризорники. Они восприняли это письмо, как романс, а беспризорники, замечает Шкловский «заказывают свои песни специалистам».

Действительно: Маяковским был непревзойденным мастером и поэтом революционной улицы. Исследование о его поэтике даст когда-нибудь представление о том огромном вкладе, который внесен Маяковским в русскую поэзию. Как подлинный поэт, одаренный интуицией и глубокой социальностью, он не гнушался никакими трафаретными словами. Самые затертые, замызганные слова-копейки, именно потому, что они прошли через миллионы мозолистых, потных, шершавых ладоней, в руках поэта засверкали червонцами. Он не брезговал ни городской частушкой, ни торжественной фразой оды, ни народной песнью, ни едким словечком брюзги, чтобы передать основное — бессмертный порыв — великой революции:

«О!
О звериная!
О детская!
О копеечная!
О великая...
..
Тебе обывательское
— о будь ты проклята трижды!
И мое —
поэтово:
— О, четырежде славься, благословенная!..»

Ф. ДАН

Великий революционер демократического социализма

Философ, социолог, экономист, историк, публицист и оратор, теоретик и работник практической политики, Отто Бауэр, человек острейшего, критического и аналитического ума и всесторонней образованности (ибо и естествознание, особенно физика и математика, было ему далеко не чуждо), сочетал в себе способность подходить к самой отвлеченной, самой теоретической проблеме с точки зрения ее делового, практического значения для освободительного движения рабочего класса с уменьем вдвигать самый маленький вопрос практической политики в рамки тех широких перспектив, которые открывал ему научный, подлинно-диалектический и подлинно-марксистский анализ исторической действительности. Во всех областях, к которым прикасался его гений, плуг его мысли провел глубокие борозды, и нужен серьезный, основательный труд, чтобы систематизировать и критически оценить тот громадный вклад, который он внес в формирование социалистической мысли, особенно — социалистической мысли после-военной эпохи.

Сейчас, у свежей еще могилы Бауэра, я хочу лишь в самых общих чертах обрисовать основной смысл и сущность работы Бауэра, как международного пролетарского социалиста. И чем более я думаю о последних двух десятилетиях, в течение которых он играл такую выдающуюся роль на арене международного социализма (сначала в рамках т. н. Венского Об'единения, а с 1923 года во вновь основанном Рабочем Социалистическом Интернационале), тем больше прихожу к убеждению, что слова, поставленные мною в заголовке этой статьи, точнее всего выражают самое «душу» международной работы Бауэра.

За всю свою жизнь Бауэр был до мозга костей демократическим социалистом. Он непоколебимо держался марксистского убеждения, что не герои и вожди, а массы и классы являются действительными творцами истории; что социалистическое освобождение пролетариата действительно не может быть делом хотя бы и твердокаменнейшей секты профессиональных революционеров, а лишь самого многомиллионного рабочего класса, пробуждающегося к сознанию своих исторических задач; что поэтому социализм может одержать и закрепить свою историческую победу лишь как демократический социализм — лишь как социализм, не на словах только признающий свободное идейное самоопределение и свободную организационную самодеятельность масс, а на деле превращающий эти принципы в несокрушимую основу всех своих надежд и всех своих достижений. Не случайно поэтому, что, после крушения усилий Венского Об'единения восстановить единство всего рабочего движения, «левый» революционер Бауэр, подобно другим идейным вождям Об'единения — Ю. Мартову и Ф. Адлеру, частичное единство с «реформистами» Второго Интернационала на основе политической и организационной демократии без колебаний предпочел частичному единству с «революционерами» Третьего на авторитарной основе, формулированной в пресловутых 21 пункте.

Это отнюдь не значит, что Бауэр не понимал громадной социальной роли «водительства», как регулирующей и руководящей силы, в которой нуждается, особенно — в революционные эпохи, и самое мощное массовое движение, чтобы не сбиваться с пути в хаосе повседневности и не растрачивать понапрасну свои силы в ненужных блужданиях. Но самый принцип социалистического водительства он понимал не авторитарно, а демократически. Он показал это на собственном примере, особенно — в эмиграции, когда, отказавшись от всяких формальных притязаний на звание «вождя», сумел исключительно бескорыстным служением делу и превосходством своих политических советов завоевать себе такое доверие Революционных Социалистов Австрии, что стал в Интернационале самым авторитетным представителем и самым верным выразителем этой великолепной нелегальной организации австрийского социалистического пролетариата.

Бауэр был до мозга костей демократическим социалистом. Но в то же время до мозга костей был он и революционным социалистом — в двояком смысле этого слова.

Он был революционным социалистом в том смысле, что ставил демократическому социализму нашей эпохи, верным сыном которого сам был, непосредственно революционные задачи. В основу его международной работы было положено убеждение, что мировая война провела водораздел в развитии капиталистического мира и что после-военная эпоха должна будетъ все больше становиться эпохой надвигающейся решительной борьбы между капитализмом и социализмом, между буржуазией и пролетариатом. Поэтому борьба за власть рабочего класса, как рычаг социалистического преобразования общества, должна стать центральной задачей рабочего движения, социалистических партий и социалистического Интернационала и определять собою их позицию в текущих вопросах и очередные цели их борьбы.

Но Отто Бауэр был революционером и в том смысле, что настойчиво указывал на необходимость революционизирования самого демократического социализма, т. е. необходимость приспособить свое миропонимание, свои оценки, методы своего мышления и своей борьбы к новым условиям новой эпохи, чтобы оказаться на высоте стоящих перед ним великих исторических задач. Чем более он был убежден, что необходимо сохранить и передать молодым поколениям пролетариата подлинные, нетленные идейные сокровища и опыт довоенного марксистского социализма, чтобы поднять идейно-политическое вооружение этих поколений до уровня предстоящих им исторических свершений; чем тверже держался он за мысль, что кровные интересы трудящегося человечества требуют, чтобы в надвигающейся решительной социальной битве именно демократический социализм держал в своих руках знамя социальной революции и указывал пролетариату путь, — тем с большею неутомимостью и страстью работал он сам над идейно-политическим перевооружением всего Рабочего Социалистического Интернационала.

Вряд-ли надо напоминать о крупных исторических и экономических трудах, в которых он поставил на службу этой задаче всю глубину и весь универсализм своих познаний; о бесчисленных статьях и речах, в которых он разворачивал перед своими читателями и слушателями все новые и более широкие горизонты; о проекте Линцской программы, в которой он впервые набросал не только для австрийского, но для всего международного демократического социализма современную программу социальной революции. Но я дол-

жен особо выделить его тезисы о войне, связать с которыми и свое имя он мне предоставил почетную возможность.

В этих тезисах Бауэр смело подошел к самой трудной и в то же время самой болезненной проблеме Интернационала, о которую Интернационал однажды разбился. И, разрешая эту проблему, которую события грозят превратить в основную проблему Интернационала, он показал, как — именно для того, чтобы в новых условиях новой грозящей войны остаться верным идеям революционного социалистического интернационализма, — приходится стоять за активную военную политику против абсолютного пацифизма тех, с воинствующим активизмом которых интернационалистам как раз и приходилось так страстно бороться во время последней мировой войны. Неизмеримым уроном для дальнейшего развития социалистической мысли будет то, что ему не суждено уже участвовать в предстоящей международной дискуссии о подлинно ключевой проблеме демократического социализма — о борьбе за демократию: из бесед с ним и из его писем я знаю, с каким громадным интересом ожидал он этой дискуссии, и у меня есть основания предполагать, что этой проблеме должна была быть посвящена значительная часть той брошюры его о фашизме, записанные начальные главы которой были напечатаны в № 3 издаваемого австрийскими товарищами органа...

Эту работу по идейно-политическому перевооружению демократического социализма Отто Бауэр вел неустанно, со свойственной ему страстностью, с твердой верой в ее конечный успех, но — без всяких иллюзий.

Задача была бы сравнительно очень легка, если бы дело шло лишь о том, чтобы переспорить и переубедить запутавшихся или вставших на ложный путь вождей. Но в качестве последовательного марксиста, т. е. демократического социалиста Бауэр очень хорошо знал, что центр тяжести всякого движения не в блистающих на поверхности вождях, а в массах, в их медленных и тяжеловесных подспудных движениях. Он знал очень хорошо, что не в несостоятельности вождей первопричина пороков и слабости социалистического рабочего движения, а что, наоборот, об'яснения несостоятельности вождей надо искать прежде всего в тех исторических условиях, в которых суждено развиваться руководимому ими массовому движению.

Никакие ошибки и преступления большевистских вождей не могли помешать ему, как и Мартову, усмотреть в том перевороте, который происходит в России под руководством большевиков, одну из величайших революций, совершенную трудящимися массами под руководством пролетариата, и соответственно наметить линию поведения по отношению к большевистской революции и связанным с нею коммунистическим рабочим движениям в других странах, не обращая ни малейшего внимания на ту волну ненависти и клеветы, мишенью которой коммунисты так часто делали его самого. Об'яснения ошибкам и преступлениям большевизма он искал, опять таки подобно Мартову, прежде всего в особых условиях развития России, как с изменением этих условий связывал свои надежды на возможность преодолении этих преступлений и ошибок *).

Но, если большевизм коренится прежде всего в исторических условиях развития возглавляемого им массового движения, то не менее «почвенный» характер имеет и реформизм, занимающий еще столь сильные позиции в Рабочем Социалистическом Интернационале. Если реформистские предрассудки и заблуждения оказываются столь живучими, то приписывать это приходится не столько порокам или идейной несостоятельности социалистических вождей, сколько инерции исторических условий развития и покоящейся на ней еще большей идейной инерции массовых движений в тех странах, которые представлены этими вождями. Разумеется, эта инерция будет в конце концов преодолена все ускоряющимся радикальным изменением условий бытия и в этих странах. Революционно-социалистическая мысль восторжествует в конце концов над инерцией реформистского мышления социалистических вождей — именно потому, что эта мысль правильно определяет действительные тенденции развития нашей эпохи и предвосхищает идеологические выводы, неизбежно вытекающие из этих тенденций. Но расчитывать на такой успех мысль эта может лишь постольку, поскольку не противоставляет себя сектантски-нетерпеливо действительным массовым движениям, а в реальных условиях развития этих движений ищет рычага, способного подвинуть их к усвоению новой политической идеологии.

Поэтому до тех пор, пока катастрофические потрясения мирового порядка вроде войн и революций не создадут предпосылок для столь же катастрофических изменений массовой политической идеологии, революционно-социалистическая пропаганда сможет одерживать успехи внутри демократического социализма лишь на путях компромиссов, не убивающих ни движение на алтаре конечной цели, ни конечную цель на алтаре движения, но, по известному выражению, представляющих собою действительное движение по направлению к конечной цели. В Рабочем Социалистическом Интернационале именно Отто Бауэр был мастером таких необходимых и плодотворных компромиссов.

В сущности, с самого основания РСИ течение, представленное Отто Бауэром — течение старого Венского Об'единения, — было в нем неизменно в меньшинстве. И все-же трудно найти за 15 лет существования РСИ сколько нибудь значительный документ ,в составлении которого Бауэр не принимал бы решающего участия, если только он сам не был его автором. Вождь оппозиции внутри РСИ, он сумел в то же время стать одним из наиболее признанных представителей всего Интернационала в целом, одним из его и большинством не оспариваемых вождей.

Идеи, составлявшие сущность Бауэровской позиции в после-военном Интернационале, были ему общи с двумя другими основателями и вождями Венского Об'единения, Ю. Мартовым и Ф. Адлером. Но Адлер за истекшее полутора-десятилетие отдал свои недюжинные умственные силы и выдающиеся политические дарования почти целиком на служение необходимому, но поглощающему человека делу организационного укрепления и организационного развития ново-основанного Интернационала, а Мартов умер еще на пороге возрождения Интернационала и не мог уже принимать уча-

*) Я не считаю нужным останавливаться в этой связи на моих расхождениях с Бауэром по «русскому вопросу», не раз находивших выражение в моих статьях, печатавшихся не только в «С. В.», но и в Бауэровском «Кампф» (случая печатного выступления Бауэра с полемикой против меня по этому вопросу я не помню ни одного): расхождения эти носили совершенно второстепенный характер по сравнению с общностью нашего принципиального, революционно-социалистического («мартовского») подхода к проблемам советской революции во всех стадиях ее, в том числе и в стадии «сталинской». Именно благодаря этой общности могло без труда создаваться полнейшее тактическое единомыслие наше в таких основных тактических вопросах, как роль Советского Союза в грозящей мировой войне, как отношение к экономическим и социальным итогам «пятилеток», к новой конституции и т. п. или как вопрос о восстановлении международного пролетарского единства.

стия в его деятельности. Да если бы и мог, — его работа и его влияние, несомненно, всегда парализовались бы тем политическим поражением, которое понесла его партия в великом революционном потрясении. Ведь, на арене Интернационала он с самого начала был представителем побежденных, эмигрантом, за которым не стоит ничего, кроме жалких остатков разбитой партийной армии и — идей, которые столь многим импонируют лишь тогда, когда могут доказать свою законность непосредственными «практическими успехами»!

Иначе сложилась судьба Отто Бауэра. За полтора десятка лет до того, как ему пришлось отправиться в эмиграцию в качестве вождя разбитаго восстания, он вступил на международную сцену в качестве вождя победоносной революции, одного из создателей и идейного вождя партии, насчитывавшей три четверти миллиона членов, — партии, написавшей его революционные идеи на своем знамени, но в то же время импонировавшей (прежде всего чудом «Красной Вены») и самым заматерелым поклонникам практической работы. Опираясь на победоносную революцию и на великолепную массовую партию, Бауэр мог — и он один! — выступать в Интернационале в качестве революционного социалиста, с идеями которого можно спорить и бороться, но которого, не рискуя сделаться смешным, никак нельзя упрекать в пресловутой «непрактичности» и «безответственности», чтобы упреками этими дискредитировать широту его кругозора и глубину его идей.

Несравненный личный престиж, которым пользовался в Интернационале Бауэр в качестве представителя «левой», революционного социализма, — это и есть то, что, в соединении с его громадным талантом, делало именно его выступления в защиту определенного круга идей особенно действительными и что навсегда исчезает вместе с его личностью — к великому ущербу для вербующей силы самих идей, гениальным и красноречивым выразителем которых он был.

Только коллективная работа его единомышленников и учеников над уточнением и дальнейшим развитием этих идей, только их упорное и дисциплинированное коллективное служение этим идеям могут помешать этому ущербу стать роковым и обеспечить успешное продолжение работы великого революционера демократического социализма. Лишь таким образом можно достойно почтить его память.

К международной дискуссии о борьбе за демократию

Ф. ДАН.

Рабочий Социалистический Интернационал постановил созвать особую конференцию для обсуждения того основного вопроса, каким является для всего демократического социализма вопрос о **борьбе за демократию.**

Речь может идти, конечно, не о том, чтобы еще раз провозгласить в общей и отвлеченной форме приверженность демократического социализма идеям демократии, и еще менее о том, чтобы составить тактическую рецептуру — для всего-ли Интернационала в целом, или для отдельных партий его. Речь может идти лишь о том, ставят-ли **современные условия** борьбы за демократию такие **принципиальные** вехи, которые намечают общее русло для борьбы **всех** партий Социалистического Интернационала и вносят принципиальное единство в эту борьбу и которым поэтому все его партии могут и должны, с великой пользой и для своего собственного, и для общего дела, руководиться и при разрешении своих национальных и частных задач.

Ответ на этот вопрос, который придется решать конференции Интрнационала, должен быть подготовлен предварительной дискуссией. Этой подготовке и посвящены те мысли, которые я постарался формулировать с возможной без ущерба для ясности сжатостью и которые сейчас — в дискуссионном порядке — предлагаю вниманию читателей «Соц. Вестника».

Условия деятельности национальных социалистических партий слишком различны, чтобы РСИ мог диктовать им конкретные или для всех одинаковые **формы и приемы** борьбы, в том числе и их **борьбы за демократию.**

Но послевоенное двадцатилетие обогатило весь Социалистический Интернационал опытом **великой русской революции,** протекавшей под руководством пролетарской партии, принципиально отрицающей демократию, если не всегда на словах, то неизменно на деле; опытом **фашистских контрреволюций,** демонстративно противопоставляющих принципам демократии принципы тоталитарной диктатуры; опытом ряда **стран, отстаивающих свой демократический режим** в непрерывном борении с внутреннею и внешнею фашистской опасностью; опытом **Испании,** в которой гражданская война, навязанная трудящимся массам фашистскою контр-революцией, сливается с войной против иностранного фашизма, активно поддерживающего эту контр-революцию ;и, наконец, опытом **борьбы за мир,** на деле все теснее сплетающейся с борьбою против фашизма и за демократию.

Этот многосторонний опыт позволяет Социалистическому Интернационалу, не покушаясь на тактическую самостоятельность и самоопределение примыкающих к нему партий, установить ряд **общих принципиальных положений,** которые могут и должны определять подход этих партий к проблеме демократии и выработку методов борьбы за нее.

В русской революции большевистская диктатура, хотевшая быть **«диктатурой пролетариата»,** на деле с самого начала была не диктатурой демократически самоуправляющегося и пришедшего к ясному сознанию своих задач рабочего класса, как понимал ее Маркс и как она естественно должна возникнуть в ходе подлинной пролетарской революции, а **диктатурой одной из пролетарских партий** над всем народом и над самим рабочим классом. Закономерным завершением двадцатилетнего развития **такой** диктатуры оказалось вырождение ее в **единодержавие «вождя»,** сковывающее по рукам и ногам рабочий класс, топящее в грязи и крови революцию и революционное прошлое самой большевистской партии и, как безудержным террором, так и плебисцитарным извращением возвещенной на бумаге демократии, одинаково подготовляющее прочную **победу контр-революции,** которая поставила бы под угрозу и все социально-экономические завоевания трудящихся масс и была бы величайшею опасностью для всего международного рабочего движения.

Трагический, несмотря на все ее великие достижения, опыт русской революции еще раз и совершенно неопровержимо подтверждает старую истину марксистского социализма: **экономическое и социальное** освобождение рабочего класса немыслимо без его **политического** освобождения. Не только в тисках реакции и контр-революции или перед их угрозой и не только в периоды относительно спокойного и мирного развития, но и **в ходе своей собственной революции** — и даже особенно в ходе своей собственной революции — пролетариат должен решительно отстаивать **принципы демократии,** принципы политической свободы — свободы идейного самоопределения, организации и самоуправления народных масс. **Без демократии нет и не может быть социализма.** Борьба за **политическую демократию** является насущною задачею **социалистического** пролетариата.

Этот вывод из опыта русской революции находит себе полное подтверждение в обратном опыте как **фашистских** и **полуфашистских стран,** так и стран, непосредственно угрожаемых фашизмом или уже вынужденных, как **Испания,** обороняться от него с оружием в руках: везде и всюду в этих странах самый ход борьбы против фашизма вынуждает становиться на почву принципов политической демократии и даже выступать в роли застрельщиков **борьбы за демократию** и те отряды рабочего класса, которые раньше относились к этим принципам равнодушно, а то и враждебно; и везде и всюду условия для борьбы пролетариата против фашизма складываются тем благоприятнее, чем последователь-

нее и решительнее он выступает в роли борца за демократию, как и наоборот — всякое отступление его от принципов демократии ослабляет и его сопротивляемость фашизму. **Борьба за демократию** становится естественным знаменем **анти-фашистской** борьбы рабочего класса.

Но если опыт русской революции доказывает, что не может быть социализма без демократии, то **опыт фашистских контр-революций, победивших,** как в Италии и Германии, активно наступающих, как в Испании, или потерпевших поражение в своей первой атаке, как во Франции, не менее убедительно доказывает, что уже **не может быть демократии без социализма.** В эпоху упадка, в которую вступил капиталистический мир после войны, только инициативою и активностью рабочего класса, естественно связывающего борьбу за демократию с борьбою за социально-экономическое освобождение, и только под его социалистическим руководством может быть революционно преодолен или предотвращен тот режим тоталитарного варварства, в котором, наоборот, ищут спасения, перед которым склоняются, к которому духовно тяготеют господствующие классы упадочного капитализма. **Демократический социализм и социалистическая демократия** — сама **практика** современного рабочего движения выдвигает этот двуединый лозунг.

Опыт борьбы за предотвращение фашизации ряда стран и за сохранение в них демократического режима целиком подтверждает эту **нерасторжимую связь дела демократии с делом социализма.** Везде и всюду самый ход борьбы против фашистской опасности наглядно вскрывает, что прочный успех этой борьбы может быть обеспечен лишь величайшею политическою активностью рабочего класса, лишь руководящей ролью его социалистического авангарда, лишь теснейшею связью его борьбы против фашизма с его **борьбою за власть** и лишь при условии закрепления политических успехов демократии социально-экономическими реформами, глубоко врезающимися в самое капиталистическую структуру общества и подготовляющими его радикальное социалистическое преобразование. И опять таки, наоборот, ослабление инициативной и руководящей роли рабочего класса и рабочего социализма в борьбе против фашизма неизменно влечет за собою ослабление позиций демократии в ее отпоре фашистской опасности.

Неразрывная **связь дела демократии и дела социализма** подтверждается, наконец, и всем опытом **борьбы за мир,** которая все больше сводится на деле к **борьбе между демократией, защищающей мир, и фашизмом, провоцирующим войну.** Ибо, пока очаги военной опасности не уничтожены в фашистских странах демократической революцией, которая не может не быть революцией социалистического пролетариата, до тех пор, как ни относиться к «идеологическим» блокам, на деле лишь готовность **блока демократических и анти-фашистских стран** решительно противоставлять свои силы силам фашистских агрессоров и выступать на защиту их очередных жертв может спасти человечество от новой и еще более опустошительной и кровопролитной войны. Но опыт Китая, Абиссинии, Испании, Австрии, как и настойчивые, все повторяющиеся попытки затушевать первостепенную важность решительной защиты Советского Союза, как страны и географически, и политически наиболее угрожаемой фашисткой агрессией, и изолировать его от стран демократии в иллюзорной надежде удовлетворить за его счет аппетиты воинствующих фашизмов, — свидетельствуют о том, что и в демократических странах **господствующие классы** упадочного капиталистического мира, не способные последовательно защищать демократию от внутреннего фашизма, еще менее способны последовательно и действенно противостоять военным агрессиям фашизма внешнего.

Только в меру того влияния, которое приобретает на внутреннюю и внешнюю политику демократических стран **социалистический пролетариат,** военная агрессия фашизма наталкивается на серьезное противодействие. Только в меру **перехода власти** в этих странах в руки социалистического пролетариата сможет **Лига Наций** становиться реальным орудием реального проведения в жизнь системы **коллективной безопасности** и смогут тем самым быть в максимальной степени использованы все наличные средства для **предотвращения войны.** Как в борьбе против внутреннего фашизма, так и в борьбе против воинствующего внешнего фашизма лишь инициативная и руководящая роль социалистического рабочего класса может обеспечить победу демократии и вместе с тем победу мира. Не только дело **демократии** неразрывно связано с делом **социализма.** С ним неразрывно связано и дело **мира.**

Но если опыт последнего двадцатилетия показывает, что **дело мира, дело демократии и дело социализма** неотделимы друг от друга и в своем нерасторжимом единстве составляют историческую задачу современного рабочего движения, то тот же опыт учит, что успешное выполнение этой грандиозной задачи требует не только, как это само собою понятно, **ликвидации раскола,** ослабляющего пролетариат и истощающего его силы в междуусобице, но еще и преодоления изоляции и тем более враждебного противоставления рабочего класса **непролетарским трудящимся классам** — интеллигенции, мелкой городской буржуазии и, особенно, крестьянству.

Возглавить и **направить в русло пролетарского социализма тот бунт не пролетарских трудящихся классов против самых основ капиталистического строя,** который вызывают в них условия, создаваемые для них упадочной эпохой капитализма, и на который для их же порабощения опирается социальная демагогия и социильная реакция фашизма; стать для них, по слову Маркса, подлинным **«классом-освободителем»,** защищающим их интересы, которые в переломный момент истории могут найти действительное удовлетворение лишь на путях исторического движения вперед, на путях **преодоления капитализма,** а не в безнадежных попытках остановить или повернуть назад колесо истории; — эта задача в **разных формах, но везде и всюду** встает перед современным рабочим движением. Она встает перед ним в странах победившего фашизма, как задача собирания сил для его низвержения; она встает перед ним, как основное условие успеха, во всех странах, где пролетариату приходится отстаивать демократию от угрожающего фашизма — в открытой-ли гражданской войне, как в Испании, в массовых-ли движениях предреволюционной окраски, как во Франции, в рамках-ли мирного органического развития, как в скандинавских странах; она встает перед ним, наконец, хотя и в совершенно особых условиях, и в Советской России, как повелительная необходимость борьбы за предотвращение контрреволюции и за демократическую ликвидацию выродившейся в единодержавие диктатуры. И во всех этих случаях, будучи непосредственной **политической целью** рабочего класса, **демократия** становится в то же время и той единственной **политической платформой,** на которой он сможет сплотить вокруг себя и политически возглавить и **не-пролетарские трудящиеся классы.**

**
*

Указанные выше и навязывающиеся социалистическому сознанию выводы из всего опыта послевоенного двадцатилетия естественно намечают и то **общее направление,** в котором, при всем различии конкретных тактических форм, приемов и текущих лозунгов, должна двигаться борьба за демократию **всех** социалистических партий без исключения и которое, вопреки неизбежному и необходимому **тактическому многообразию,** должно все больше вносить **принципиальное единство** в их политическую линию, — все больше превращая тем самым и **Рабочий Социалистический Интернационал** из простой арены общения социалистических партий между собою и их обмена взаимным опытом в целостный, боеспособный и действующий по единому плану политический организм.

Какими-же положениями может быть характеризовано это **общее направление** политики социалистических партий в **борьбе за демократию?** Я думаю, что они вытекают из всего предыдущего сами собою.

Социализм должен **везде и всюду** организовывать **борь-**

бу **рабочего класса за демократию:** за ее сохранение, укрепление и расширение там, где она существует, за ее завоевание там, где ее еще нет, за ее обратное отвоевание там, где она уничтожена и подавлена. Он должен организовывать эту борьбу **в стране большевистской диктатуры**, как единственный способ предотвращения контр-революционной катастрофы. Он должен организовывать ее **в странах фашизма** во имя его революционного низвержения. Он должен организовывать ее **в странах демократии**, чтобы воздвигнуть несокрушимую преграду дальнейшему продвижению фашистской контр-революции и нанести ей смертельный удар. Он должен организовывать ее и **в борьбе за мир**, который может быть спасен лишь решительной победой демократии над фашизмом.

В этой своей борьбе за демократию социализм ни в коем случае не должен свертывать своего **классового социалистического знамени.** Наоборот, он должен отдавать отчет самому себе и уяснять широкому общественному мнению, что упадок демократии вызывается, в конечном счете, распадом того капиталистического фундамента, на котором она исторически выросла; что борьба за преодоление этого упадка, за возрождение и укрепление демократии будет поэтому тем успешнее, чем больше подведение под политическую демократию **нового социально-экономического базиса**, соответствующего интересам широчайших трудящихся масс в новых исторических условиях, будет возрождать в этих массах готовность активно защищать демократию и бороться за нее с такой же страстью, с какою они не раз шли на ее завоевание в историческом прошлом, — чем больше, следовательно, **борьба за социалистическое преодоление упадочного капитализма** будет определенно и неразрывно сочетаться с **борьбою за демократию.** Борьба социализма за демократию непосредственно становится поэтому его **борьбою за власть** — за переход власти из рук исторически отживших господствующих классов или выродившихся групп и клик в руки самоуправляющихся трудящихся классов, способных влить новую социально-экономическую кровь в жилы политической демократии и тем призвать ее к новой жизни.

При таком характере борьбы за демократию в современных условиях социализм не может возлагать никаких демократических надежд на борьбу клик внутри правящей верхушки, на заговоры и дворцовые перевороты, на авантюристские блоки с силами реакции и меньше всего на «превентивные» войны одних империалистических держав против других. Он должен настойчиво предостерегать трудящиеся классы от всяких иллюзий насчет таких методов борьбы и от какого-бы то ни было политического доверия к тем, кто эти методы пропагандирует и применяет — хотя бы и во имя демократии. Везде и всюду, при всех условиях **непременным и основным** фактором, вне которого немыслима победа демократии, является **сознательно и свободно организованная политическая самодеятельность рабочего класса.** На пробуждение и развитие такой самодеятельности должны быть направлены все усилия социализма в борьбе за демократию, как бы трудна ни была эта задача, особенно в режимах тоталитарных диктатур. И лишь в меру успеха этих усилий могут создаваться условия, при которых и переворот, совершенный силами, чуждыми или враждебными рабочему классу, сможет дать толчек мобилизации трудящихся масс на борьбу за демократию.

Поскольку свои исторические задачи, связанные с борьбою за демократию, рабочий класс нигде не может осуществить иначе, как политически возглавляя движение и непролетарских трудящихся классов, — постольку та проблема, которую испанский и французский социализм пытается разрешить в формах **Народного Фронта,** по существу стоит перед социализмом **всех** стран без исключения. Как бы ни называлась и какие бы формы ни принимала **политическая кооперация пролетариата с не-пролетарскими трудящимися классами** в различных странах, везде и всюду перед социализмом встает и все острее будет вставать задача — сделать эту кооперацию, **в противоположность обычной коалиции** и «священному единению», не орудием подчинения этих классов и своего собственного политическому руководству господствующих слоев капиталистического общества, а, наоборот, орудием высвобождения трудящихся масс из под их руководства, орудием **политической гегемонии социалистического пролетариата** — этого непременного условия успеха совместной **борьбы трудящихся за демократию.**

Политическая гегемония пролетариата в блоке трудящихся необходима для **победы демократии,** но и сама эта гегемония может осуществляться лишь **на почве демократии,** лишь на почве **свободного** приятия не-пролетарскими трудящимися массами политического руководства социалистического пролетариата. Этим очерчиваются **пределы** допустимого для социализма **ограничения демократии,** к которому может быть вынуждена революционная пролетарская власть («диктатура пролетариата») в ходе гражданской войны или которое может стать необходимым в переходные моменты острой революционной или предреволюционной борьбы, когда враждебные демократии, фашистские силы стремятся воспользоваться правами, которые им предоставляет демократия, лишь затем, чтобы, нанеся смертельный удар демократии, лишить этих прав трудящиеся массы и заменить демократический режим режимом тоталитарной диктатуры. Чем **неизбежнее** в таких условиях ограничение демократии, тем **настойчивее** должен социализм заботиться о том, чтобы эти ограничения, **выбивая** оружие демократии из рук ее фашистских убийц, ни в **коем** случае не уничтожали демократической свободы, свободы **идейно**-политического самоопределения и организации для тех **классов,** на свободной политической самодеятельности которых **только** и может быть построена демократия, т. е. **не только для самого пролетариата, но и для не-пролетарских трудящихся масс,** которые вместе с пролетариатом везде и всюду составляют **подавляющее большинство народа** и в кооперации с которыми рабочий класс только и может успешно бороться за демократию и социализм.

Всем предыдущим и определяется возможность **единой международной политики социализма в борьбе за демократию.** Конечно, между непосредственными задачами и условиями борьбы социалистических партий, действующих на почве демократической легальности, партий, осужденных на нелегальное существование, и партий, как испанская, вынужденных вести кровопролитную гражданскую и внешнюю войну, существуют громадные различия, и не меньшие различия имеются и между задачами и условиями борьбы нелегальных партий Советского Союза, с одной стороны, стран фашизма и полуфашизма, с другой. Было бы нелепо задачи и условия борьбы **одной** из таких партийных группировок, как бы многочисленна и влиятельна она ни была, пытаться делать законом деятельности **всех** партий Социалистического Интернационала, как не менее нелепо было бы вырывать непроходимую пропасть между сферою и характером работы различных партийных группировок: и то, и другое означало бы фактическую **смерть Интернационала.** Но 20-летний опыт послевоенного развития прямо указывает те **общие принципы,** которые, при всех различиях конкретных задач и тактических форм, самым ходом событий навязываются **всем** социалистическим партиям в их борьбе за демократию и которые им надо лишь осознать и формулировать, чтобы сделать **возможной** действительно **общую политическую линию всех партий Социалистического Интернационала.** Что такая **международная** политика социализма в борьбе за демократию и **необходима,** — это вряд ли нужно доказывать в эпоху, когда судьбы стран, национальных отрядов рабочего класса и национальных социалистических партий так быстро и катастрофически меняются и связываются друг с другом так тесно, как никогда раньше, и когда именно в вопросе о **борьбе за демократию,** нерасторжимо сплетающейся с **борьбою за мир,** уже почти невозможно провести черту, отделяющую проблемы внутреннего, национального порядка от проблем порядка внешнего, интернационального.

Вот положения, которыми должна, по моему мнению, неуклонно руководиться **наша партия** в борьбе за демократию в современных условиях Советского Союза и которые она может предложить вниманию РСИ, как **общую принципиальную основу** политической работы всех примыкающих к нему партий.

Эти положения представляют собою, как я старался показать, лишь обобщение всего после-военного опыта рабочего движения и социализма. Но в то же время нетрудно заметить, что они являются не чем иным, как последователь-

ным развитием — применительно к частной задаче борьбы за демократию в новых условиях нового этапа эволюции и Советского Союза, и всего мира — тех положений, которые Ю. О. Мартов в свое время формулировал в знаменитых «апрельских» тезисах 1920 года и которые он тоже хотел сделать не только законом политической работы нашей собственной партии, но и «основой для об'единенной работы всех марксистских социалистических партий».

Принципиальная сущность этих «мартовских» положений неопровержимо подтверждается всем после-военным опытом рабочего движения. Это доказывает гениальную прозорливость Мартова, как в анализе исторического развития после-военного мира и советской революции, так и в обобщающих социально-политических выводах из этого анализа. Но это должно в то же время облегчить усвоение этих положений всем Социалистическим Интернационалом как той **принципиальной платформы,** которая наиболее точно обобщает реальные условия современной борьбы рабочего класса за мир, демократию и социализм. Целиком сохраняя **тактическую самостоятельность** каждой из партий Интернационала, такая платформа будет в то же время все больше сплачивать их в **единую международную политическую силу** и явится таким образом крупным шагом на пути к тому превращению Социалистического Интернационала в **Интернационал действия,** над созданием которого так настойчиво и страстно работали почившие вожди российской социалдемократии — **Ю. О. Мартов,** и патриарх меньшевизма **П. Б. Аксельрод.**

П. ГАРВИ.

Проблема борьбы за демократию поставлена в порядок дня международного социализма не только как актуально-политическая проблема, связанная с кризисом демократии и с распространением тоталитарных диктатур, но и как **принципиальная** проблема, в виду тех гибельных колебаний по вопросу о путях к социализму, о демократии и диктатуре, о методах построения социализма, о самом существе социализма, которые возникли под влиянием большевистской революции в России, крушения социализаторских попыток в новых демократиях Центральной Европы, неспособности ряда буржуазных демократий справиться с последним экономическим кризисом, а особенно после победы фашизма в Германии и Австрии.

Под влиянием мировой войны, усилившей значение государственной власти и хозяйственного этатизма, стратегический маршрут международной социал-демократии — **через демократию к социализму** — был подвергнут радикальной ревизии. Из социалдемократии выделилось большевистское крыло, для всех стран и при всех условиях отметавшее демократический путь к социализму. Попытка навязать диктаторский путь к социализму всему мировому рабочему движению привела к **расколу пролетариата.**

Но и после раскола мирового рабочего движения в рядах международного социализма не было достигнуто необходимой ясности в вопросе **о путях к социализму,** о диктатуре и демократии. Под влиянием ошибок и неудач ряда демократий, роста социальной и политической реакции в капиталистических классах и победоносного разлива фашизма — в рядах международного социализма, особенно после 1933 и 1934 гг., широко распространились взгляды, преуменьшавшие ценность и роль демократии, как в идеологической концепции социализма, так и в практике освободительной борьбы пролетариата. Некритическое отношение к большевистскому эксперименту предрасполагало в то же время к восприятию в той или иной форме, в той или иной степени существенных элементов **диктаторской идеологии большевизма** (концепции «воспитательной диктатуры», «диктатуры на срок», демократии, как «послесловия к социализму» и т. п.). В лучшем случае, демократический путь к социализму об'являлся отныне, в эпоху упадочного капитализма и фашизма, исключением, а путь через диктатуру правилом для большинства стран. Не было недостатка и в попытках найти ублюдочный синтез между диктаторской концепцией большевизма и демократической концепцией социализма.

Эти шатания и метания, только углубившие **идейный кризис социализма** и ослабившие его притягательную силу для средних классов и его собственную обороноспособность против фашизма, совпали с ростом политической пассивности пролетариата и с его разочарованием в демократическом строе и естественно содействовали углублению **кризиса демократии.** За последнее время эти колебания, однако уменьшились, как в результате проделанной идейной работы, так и под двойным влиянием повелительных требований борьбы с фашизмом, с одной стороны, обострившихся процессов перерождения и вырождения большевистской диктатуры в направлении фашистско-бонапартистской развязки, с другой. Социалистический Интернационал не может больше уклоняться от внесения принципиальной и тактической ясности в вопрос о демократии, а внесение такой ясности невозможно без критической оценки эксперимента диктаторского построения социализма в России и без предоления идеологических шатаний и метаний, имевших место, а отчасти еще продолжающихся, в наших собственных рядах.

Принижение значения «формальной демократии», как «отмирающией» формы классового господства буржуазии, вытесняемой в эпоху упадочного капитализма новой формой фашистского тоталитарного государства, отчасти проистекает из неверного представления о происхождении и развитии демократии и из недиалектического утверждения, что демократия не может быть одинаково и формой господства буржуазии, и формой освобождения пролетариата. Между тем демократия повсюду была завоевана массами трудящихся и в первую очередь пролетарскими массами, чаще всего в борьбе с капиталистической буржуазией. Исторически все социалистические партии сложились и выросли, как массовые партии пролетариата, либо на почве хотя бы и зачаточной демократии, либо в ходе борьбы за демократию.

Демократия это, однако, не только политическая форма самоорганизации пролетариата в борьбе за лучшую жизнь и за окончательное свое освобождение. Демократия это и не только «форма» государственности, которую легче наполнить социальным содержанием в интересах пролетариата. Демократия это наиболее экономный, безболезненный и эффективный путь к социализму. Больше того — демократия это **единственный путь к социализму,** если под последним понимать не хозяйственный этатизм, не государственное рабство, а самоуправление трудящихся в процессе производства. Воспитание пролетариата, как класса, к овладению властью и к социализму возможно только в рамках демократии. Без этого воспитания пролетариата в школе свободной рабочей самодеятельности, немыслимой вне государственной демократии, даже автоматическое крушение капитализма в результате его разложения, новых кризисов или новой войны никак не привело бы к построению социализма, а лишь к повторению в том или ином варианте обанкротившегося «большевистского эксперимента».

Но демократия не может рассматриваться лишь как единственный **путь** к социализму, как историческая предпосылка социализма. Распространенная и в социалистических рядах недооценка демократии исходит частью из представления о том, что демократия по отношению к социализму является **средством.** Это верно, но это лишь половина истины. Демократия это не только средство к достижению социалистической цели, но и необходимый ингредиент самой социалистической цели, немыслимой вне демократии. Демократия (**и связанная** с нею духовная свобода, свобода личного и коллективного творчества) является необходимым **элементом самого социалистического идеала,** притом элементом, ценность которого будет еще возрастать по мере того, как производство материальных благ будет в социалистическом обществе терять значение всепоглощающей общественной проблемы. Вот почему **пафос свободы и демократии** должен для социалистов иметь не только подсобное значение, как противовес фашистской несвободе к государственному порабощению личности, но и самостоятельное и длительное позитивное значение, как политико-психологический двигатель нашего стремления к мироосвобождающему социализму.

*

Но если социализм невозможен без **демократии, то это** еще не означает, что демократия, в эпоху упадка **капитализма** и широкой фашизации буржуазии, **уже невозможна без социализма;** иными словами, что сейчас мыслима и возможна **только социалистическая демократия.**

Теоретически утверждение о невозможности демократии без социализма в эпоху капиталистического упадка «стоит и падает» вместе с теорией фатальной фашизации буржуазии и универсального фашизма. Наличность такой тенденции неоспорима, фатальность и универсальность ее победы недоказуемы. Фактически утверждение о невозможности демократии без социализма опровергается существованием буржуазных демократий, достаточно еще полнокровных, в Европе, в Америке и на других континентах. Тактически это утверждение опасно, ибо оно способствует **сужению анти-**

ПОМНИТЕ О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ!

фашистского фронта, как в рамках каждой отдельной страны, так и на международной арене при создании мощного противовеса военноопасной оси Рим-Берлин-Токио.

Утверждение о невозможности демократии без социализма верно **в пределе**, для эпилога целой исторической эпохи, у порога которой мы только стоим. Но для ряда европейских и, особенно, внеевропейских стран «формальная», несоциалистическая, даже просто буржуазная демократия является — или может еще стать — реальностью на изрядный срок. Иначе говоря, **демократия мыслима еще** не только, как политическая форма **победившего социализма**, но и как политическая форма раздираемого классовыми противоречиями **буржуазного общества**, даже упадочного, в которой пролетариат находит или может найти максимально благоприятные условия для своей **борьбы за социализм**. Разумеется, идеальная демократия возможна только с уничтожением экономической эксплоатации, социального неравенства и классового деления общества, т. е., в строе интегрального **социализма**. Но подобно тому, как до войны международная социалдемократия, включая и большевиков, противопоставляла цензовому либерализму, полуабсолютизму или царизму не сразу социалистическую демократию, а требование последовательной демократии на началах «четыреххвостки» и парламентаризма, так и сейчас эту же не идеальную, не предельную, не социалистическую, а политическую, формальную, всенародную демократию защищает против посягательств фашизма отброшенный на оборонительные позиции международный пролетариат, то возглавляя правительственные коалиции (в скандинавских странах), то в оппозиции (в Англии), то в рамках и методами Народного Фронта (во Франции), то в гражданской войне, навязанной ему фашизмом (в Испании). Альтернатива: **фашизм или демократия** не везде и не всегда является равнозначной альтернативе: **капитализм или социализм.** Антифашистская мобилизация средних классов и крестьянства, не терпящая отлагательства в странах, угрожаемых фашизмом, не может совершаться непременно под знаменем социалистической демократии, т. е. непосредственной социальной революции.

Между тем борьба за демократию невозможна сейчас без антифашистской мобилизации средних классов и крестьянства. Но и перспективы социалистической демократии в будущем требуют от международного социализма отказа от политических представлений, лозунгов и методов, негодность и опасность которых доказана опытом русского большевизма. **Борьба за средние классы и крестьянство** сулит успех лишь в рамках и методами демократии. Ревизионистские концепции мирного «врастания» демократии в социализм опровергнуты суровой действительностью. Но та же действительность опровергла и теорию навязывания социализма средним классам и особенно крестьянству методами диктатуры, хотя бы и в прикрытой форме «гегемонии пролетариата» и т. п. Борьба за власть означает для социалистических партий или **борьбу за большинство**, что возможно только в рамках демократии, или борьбу за власть над средними классами и крестьянством, т. е. **диктатуру меньшинства**, со всеми ее «русскими» последствиями. Проблема средних классов, проблема их отрыва от фашизирующейся буржуазии, это **в политическом аспекте** проблема борьбы за демократию, как за политическую форму честных компромиссов с мелкой буржуазией и завоевания ее на сторону социализма идейным влиянием социализма и всем содержанием социально-экономической политики социалистических партий.

В политическом разрезе лозунги «диктатуры пролетариата», «гегемонии», «революционно-пролетарской власти» и т. п. меньше всего могут способствовать привлечению средних классов и крестьянства на сторону социализма. В своих стратегических расчетах социализм не может исходить из утопического предположения, что **средние классы свою политическую волю согласятся выразить в форме диктатуры чужого класса,** хотя бы об'ективно и играющего роль «класса-освободителя». Поэтому не командование, а соглашение должно быть формулой политического сотрудничества пролетариата и средних классов в борьбе против фашизма. Как свидетельствует опыт «Народного Фронта» во Франции, такое сотрудничество, в виду двойственной социальной природы и политической неустойчивости средних классов, требует от пролетарских партий большой чуткости, терпения, часто самоограничения, но и большого реализма. В частности, было бы ошибочно слишком оптимистически расценивать легкость использования **«антикапиталистического бунта» средних классов,** вызванного последним кризисом, для привлечения их на сторону социализма и социальной революции. Пока что антикапиталистический бунт средних классов направляется не против самого института частной собственности на средства производства, не против принципа эксплоатации наемного труда, а против отдельных проявлений капиталистической системы («процентное рабство», «еврейская биржа», универсальные магазины, частные монополии). Переключение антикапиталистического бунта средних классов на рельсы социализма до крайности затрудняется также отталкивающим влиянием большевистской политики огульной национализации промышленности и торговли, даже мелкой, и сплошной насильственной коллективизации сельского хозяйства, — политики, приведшей в России к экономической, а частью и физической ликвидации средних классов.

Роль пролетариата, как застрельщика в борьбе за демократию, тем значительнее, чем сплоченнее он выступает на политической арене. Раскол мирового рабочего движения, учиненный большевиками, был и остается пагубным не только с точки зрения интересов его освободительной борьбы, но и с точки зрения борьбы за демократию. Раскол пролетарского движения был одним из факторов победы фашизма. Этот же раскол ослабляет притягательную силу социализма для непролетарских промежуточных классов и тем до крайности затрудняет борьбу за демократию. **Преодоление раскола** остается поэтому одной из насущных задач мирового рабочего движения и одной из предпосылок успешной борьбы за демократию.

Маневренный поворот Коминтерна к формальной демократии, сопровождавшийся в самой Советской России переходом от советских форм «диктатуры пролетариата» к внешним формам всенародной демократии, облегчил частичное преодоление гибельного раскола в наиболее угрожаемых по фашизму странах Запада (Испания и Франция). «Пакты о единстве действий» и политика «Народного Фронта» укрепили политические позиции рабочего класса в ряде стран. Но опыт пактов о единстве действий и «Народного Фронта», а особенно опыт об'единительных попыток во Франции подтверждает, что об'ективных **предпосылок для преодоления раскола** в мировом рабочем движении **нет и не будет**, пока рабочие коммунистических партий Запада остаются в идейной, организационной и материальной зависимости от Москвы и пока они продолжают играть роль военно-политических «резервов» для внешней политики советского правительства, совершенно эмансипировавшегося от контроля трудящихся масс и даже от контроля большевистской партии.

Ни острая политическая потребность рабочих партий в единстве, ни стихийная тяга масс к единству не могут, сами по себе, без наличия определенных **идейно-политических предпосылок,** привести к прочному преодолению раскола в национальном и международном масштабе. Роковой ошибкой было бы сводить политическую основу единства к одному только организационному моменту — к признанию принципа демократии в пролетарских организациях. Русский опыт двух десятилетий доказал невозможность **рабочей демократии** вне **государственной демократии,** а превращение новой советской конституции в орудие плебисцитарного цезаризма доказало невозможность государственной демократии при сохранении террористической диктатуры и партийной монополии. Отсутствие реальных предпосылок для восстановления пролетарского единства не должно, разумеется, препятствовать совместным действиям с компартиями в борьбе против фашизма и опасности войны в тех странах, где это диктуется общей обстановкой и соотношением сил. Не во всех странах, однако, форсирование политики единого фронта отвечает интересам успешной борьбы за демократию.

Проблема борьбы за демократию, как международная задача, обостренная экспансией фашизма, не может быть правильно поставлена и разрешена без **постановки русской проблемы** во всем ее принципиальном значении, т. е. 1) как вопроса о **политическом режиме,** установленном большевиками в России и несовместимом ни с интересами русского пролетариата, ни с потребностями союза рабочих с крестьянством, ни с требованиями социалистического идеала, ни с потребностями освободительной борьбы мирового пролетариата, в частности, его борьбы за демократию и мир, и 2) как вопроса об **экономическом эксперименте** сплошной национализации и коллективизации, приносящем миллионы человеческих жизней в жертву утопии штыками насаждаемого «социализма», только компрометирующего социалистическое движение во всем мире. Процесс перерождения и вырождения террористической партийной диктатуры большевиков в личное единодержавие Сталина зашел так далеко и принял такие формы (московские процессы, разгул террора, плебисцитарное использование новой конституции, культ «вождя», нарождение новой социальной верхушки), что дальнейшая беспрепятственная эволюция сталинского единодержавия неотвратимо ведет к фашистко-бонапартистскому финалу русской революции, могущему безмерно усилить позиции мирового фашизма. Поэтому решительная борьба за устранение Сталина от власти за преодоление террористической диктатуры большевиков и за демократическое завершение революции становится насущной задачей столько же в инте-

ресах борьбы за демократию в самой России и во всем мире, сколько и в интересах освободительного движения пролетариата.

Борьба за демократию в настоящих условиях неотрывно связана с **борьбой за мир.** Система версальского мира и систематическое уклонение стран-победительниц от его ревизии, которая еще могла спасти демократический режим в Центральной Европе, облегчили победу фашизма, который является в ряде стран формой неоимпериализма, стремящегося к переделу мира, хотя бы ценой новой, подготовляемой им, мировой войны. Создав непосредственную угрозу мировой войны и разжигая ее очаги в Европе, Азии и Африке (Испания, Абиссиния, Китай), фашизм путем явной и скрытой интервенции стремится изнутри подорвать демократический строй в странах, заинтересованных в сохранении мира. В то же время созданная им военная угроза и вызванная им скачка вооружений ведут к усилению в странах демократии элементов бюрократической централизации, хозяйственного этатизма и милитаризма, угрожающих демократическому строю. Убив свободу и демократию в собственных странах, фашизм стремится разложить демократию в соседних странах с целью их военно-политического ослабления, используя для этого, как социальные страхи капиталистических классов и их симпатии к фашизму, так и отравленное оружие расовой и национальной исключительности.

Международный социализм, столь же заинтересованный в сохранении мира, как и в борьбе за демократию, должен считаться с растущей опасностью войны, которую несет с собой фашизм. Только тесный **блок всех заинтересованных в сохранении мира держав** может самим перевесом своего военного и хозяйственного потенциала над совокупными силами блока агрессоров принудить последних к отказу от планов агрессии, к вступлению на путь мирных соглашений на основе коллективной безопасности, неделимости мира, перераспределения источников сырья и рынков и мирного пересмотра международных договоров и границ в рамках Лиги Наций, а в случае, если это окажется невозможным — обеспечить торжество мирных стран над агрессорами и заключение мира на основах коллективной безопасности и подконтрольного разоружения.

Было бы ошибкой со стороны международного пролетариата борьбу за мир, неотрывно связанную с борьбой за демократию, вести в настоящих условиях **под знаменем развязывания социальной революции во всех странах.** Вечный мир и подлинный мировой союз народов могут быть достигнуты только при социализме. Но все надежды на победу социализма в Европе и во всем мире связаны с предотвращением новой мировой войны, несущей с собой не перспективы прорыва в социализм, а опасность гибели всей цивилизации. Ведение пролетарской борьбы за мир под лозунгом развязывания в ходе этой борьбы социальной революции (повторение ленинского лозунга «превращения мировой войны в гражданскую»), — способно в данных конкретных условиях только сузить складывающийся фронт заинтересованных в сохранении мира держав, который необходимо должен стремиться охватить и Соединенные Штаты, и южно-американские республики, и английские доминионы. Антифашистская мобилизация на арене внешней политики может и должна вестись под знаменем мира и демократии. Собирание сил под знаменем борьбы за демократию и мир лучше всего способно усилить политическую мощь пролетарских организаций и обеспечить их руководящую роль в борьбе за предотвращение опасности войны.

Единая интернациональная линия поведения социалистического интернационала в борьбе за демократию требует не только внесения ясности в принципиальный вопрос о демократии и социализме, но и намечения **общих целей** практической политики социалистических партий в различных странах, где проблема демократии об'ективно ставится **по разному.** Учитывая невозможность сосредоточения конкретного руководства борьбой за демократию в руках своих центральных органов, РСИ должен ограничиться лишь общими указаниями, связывающими общей идеологией и общей целью конкретные формы борьбы за демократию в отдельных странах.

Нельзя успешно бороться с «тоталитарным государством» во имя другого тоталитарного государства, и нельзя борьбу против фашизма или фашистской опасности вести под знаменем диктатуры. Поэтому **основы социалистической тактики в борьбе за демократию** должны быть формулированы следующим образом:

а) Борьба за **овладение политической властью,** как предпосылкой развернутого социалистического строительства, может вестись с успехом лишь, как **борьба за большинство** в рамках и методами демократии, путем сочетания парламентских и внепарламентских методов борьбы. Завоевание или сохранение демократии является поэтому общей задачей всех социалистических партий.

б) **В странах, где фашизм победил,** очередной и центральной политической задачей является **революционное его низвержение и завоевание демократии.** Революционное преодоление тоталитарных диктатур произойдет не в результате удачного заговора той или иной группы решительных революционеров, а в результате упорной революционной работы в массах, перелома в народной психике, обострения классовых противоречий, разложения диктатуры или, наконец, военного поражения, приводящего в смятение и в движение широчайшие массы. В **такой** обстановке социалистической партии, выходящей из революционного подполья в ореоле партии-освободительницы, нет основания опасаться свободного волеиз'явления народа и установления самой широкой демократии. Подведение широкого социально-экономического базиса под отвоеванную демократию не во всех странах, однако, и н при всех условиях сможет носить характер непосредственного перехода к социализму. Принудительные и ограничительные мероприятия революционной власти, могущие оказаться необходимыми в острый период самоутверждения революции, не должны носить длительного характера, создавать режим партийной монополии и превращаться в систему диктатуры, хотя бы и облеченной во внешние формы «рабочей демократии», «трудовластия» и т. п.

в) **В странах, где демократии только угрожает опасность фашизма,** необходимо защищать демократическое учреждение и политическую свободу всеми средствами, легальными и нелегальными, парламентскими и революционными, в зависимости от обстановки. Чтобы отстоять демократию, необходимо вести самую решительную борьбу за роспуск и за действительную ликвидацию всех военноподобных фашистских лиг, всемерно противодействуя в то же время проводимой фашистскими партиями тактике использования демократических учреждений для подрыва и уничтожения демократического строя. Политика «Народного Фронта» в этих странах должна проводиться на основе широкой программы экономических, финансовых и социальнополитических мероприятий, не ограничивающих, а расширяющих рабочее законодательство, но с учетом материальных интересов и психики средних классов и крестьянства, всячески избегая при этом политических шагов и экономических мероприятий, способных привести к изоляции пролетариата. Только такая политика даст возможность провести при поддержке средних классов и крестьянства необходимую национализацию частных монополий, финансирующих фашизм. Поскольку слабость демократий вызывается в этих странах несовершенством ее учреждений, социалистические партии должны энергично добиваться соответственных реформ, считаясь при этом с необходимостью сочетания сильной правительственной власти с реальным контролем и с законодательным суверенитетом представительных учреждений. Усиление правительственной власти не должно однако приводить к подражанию диктаторским режимам и к заимствованию у них приемов управления, способных только внести моральное разложение в аппарат управления и в демократические массы и тем подорвать устои демократии.

г) **В странах, где демократический строй прочен** и где непосредственная опасность фашизма ему еще не угрожает, политика социалистических партий должна уделять неизмеримо больше внимания, чем до сих пор, вопросам экономическим, в частности, аграрному. Вопросы эти должны ставиться и разрешаться не только под традиционным социально-политическим углом зрения охраны труда, но и в перспективе продвижения к социалистическому преобразованию экономики («структурные реформы», «планизм»), а также с учетом психологии и интересов средних классов и всего народного хозяйства. Укрепление политического режима демократии требует и в этих странах тесного сотрудничества пролетариата с непролетарскими классами, особенно с крестьянством, как в оппозиции, так и во власти. В частности, вопрос о коалиции должен решаться под углом зрения борьбы за большинство, как метода борьбы за власть, а самые коалиции с участием социалистических партий должны опираться не только на парламентские комбинации, но и на политическую активизацию масс в стране.

д) **В разнонациональных странах** правильное разрешение национального вопроса и вопроса о меньшинствах является необходимым элементом в борьбе за демократию, с целью затруднить внутреннему и иностранному фашизму эксплоатацию ущемленного национального чувства в меньшинствах. Борьба с антисемитизмом, прикрывающим контр-революционные и фашистские поползновения, также является существенным элементом борьбы за демократию. Национально-освободительные движения или борьба за независимость (Китая против Японии) имеют тем больше шансов на успех, чем теснее они сплетаются с борьбой за демократию.

е) Не менее существенным элементом международной борьбы за демократию является правильная политика демократических стран в **колониальных владениях.** Специфически «колониальные» и плантаторские методы, вызывая справедливое недовольство туземцев, облегчают подрывную работу итало-германского блока в колониях. Изменение приемов колониальной политики в духе заботы о поднятии материального и культурного уровня туземцев, прекращение административного насилия, внедрение начал самоуправления и воспитание население к демократии явятся лучшими средствами борьбы против подрывной работы агентов фашизма в колониях и за упрочение демократии в метрополиях.

ж) **Борьба за демократическое завершение русской революции** есть единственно правильная защита русской революции. Разоблачение истинной природы и новейшей эволюции большевистской диктатуры, а не замалчивание русской проблемы, является, как никогда, насущной задачей Социалистического Интернационала. Морально-политическая поддержка Интернационала должна быть обеспечена социалистическим партиям, в тяжких условиях подполья и эмиграции ведущим борьбу за преодолениe выродившейся диктатуры Сталина и за демократическое завершение революции, единственно могущее обеспечить сохранение тех социальных и экономических завоеваний революции, которые совместимы с об'ективными возможностями страны и с необходимостью соглашения с крестьянством. В свою очередь, занятие РСИ четкой и твердой позиции в вопросе о социализме и демократии и ясной позиции в вопросе о выродившейся большевистской диктатуре и о необходимости ее замены режимом политической свободы и демократии поможет рабочим России, в дни неизбежной расшатки сталинского режима, найти в себе моральные силы, чтобы оказать противодействие назревающему фашистско - бонапартистскому финалу русской революции в форме дворцовых переворотов, и явиться застрельщиком возрождения демократии в России.

Р. АБРАМОВИЧ

С точки зрения социалистического пролетариата демократия не только представляет собою совокупность известных политических свобод, неразрывно связанных с представлением об индивидуальных правах «человека и гражданина», но и призвана выполнять чрезвычайно важную общественно-воспитательную функцию, без которой ни борьба пролетариата за его социальное освобождение, ни самый процесс осуществления социалистического строя не могут быть реализованы.

В капиталистическом обществе завоевание известного минимума политической демократии и его все большее расширение исторически и практически является необходимой и основной предпосылкой для организации пролетарских масс в их борьбе за свои классовые интересы и за социалистическое преобразование общества. Вся история рабочего движения в странах современного капитализма является историей борьбы за политические права рабочих масс и демократизацию государства. Как показал опыт тех стран, в которых победил фашизм, потеря политической демократии автоматически влечет за собой полный паралич массового рабочего движения и невозможность дальнейшего органического прогресса общества, что означает смерть для социализма. Защита демократии и ее основной и наиболее существенной черты — право массовой организации, свободной самодеятельности пролетариата и право на политическую оппозицию — является поэтому для социалистического рабочего класса вопросом жизни или смерти.

Но не только борьба пролетариата за его социальное и политическое самоопределение и за его власть в государстве нуждается в демократии и может успешно вестись только на почве и методами демократии; — даже в случае победы пролетарского движения и овладения пролетариатом государственной властью дальнейшее продвижение к социализму может совершаться исключительно на почве демократии и свободной самодеятельности масс. Как показал опыт Советской России, длительный отказ от демократии и от политической и умственной свободы неизбежно приводит революционную власть и поддерживающие ее массы к внутреннему перерождению, к моральному и политическому застою и разложению и ведет к той или иной разновидности бонапартизма, уничтожая тем самым смысл того социального переворота, ради которого пролетарская власть была создана.

Таким образом, социализм на всех своих стадиях и исторических этапах неотделим от демократии и с ней органически спаян. Кто говорит социализм ,тот говорит демократия.

В странах капитализма, даже самая развитая политическая демократия всегда оставляла неразрешенной проблему экономического и социального равенства. Социализм, поэтому, в отличие от буржуазно-демократических течений, никогда не удовлетворялся формальной политической демократией, а стремилися к преобразованию социальных основ общества на иных началах. В этом смысле истинная демократия никогда не может быть осуществлена до тех пор, пока существует нынешний общественный строй, построенный на буржуазной собственности. Только на основе социализма может быть создана истинная и всесторонняя демократия.

Тем не менее мировой социализм всегда стремился к политической демократии, несмотря на всю ее ограниченность и относительность в буржуазном обществе. Это основное стремление остается правильным и сейчас, в условиях послевоенного капитализма.

Но на современной послевоенной стадии равития капиталистического общества политическая эволюция в странах промышленного капитализма приобрела чрезвычайно сложный характер. После того эволюционного развития в сторону политической демократии, которая была так характерна для до-военного периода, после того быстрого под'ема и небывалых социальных и политических завоеваний пролетариата, которыми характеризовались первые повоенные годы почти во всех странах мира, — наступил застой и попятное движение даже в той формальной демократии, которая достижима при буржуазном строе. На разных полюсах современного общества в большинстве стран возникли анти-демократические, диктаторские, реакционные, террористические тенденции, которые привели местами к полной, местами к частичной ликвидации демократической государственности и к установлению фашистских или полу-фашистских диктатур.

Вопреки усилиям мирового социализма, мировая война закончилась не «миром без победителей и без побежденных», а системой насильственных мирных договоров, разделивших современную Европу на страны победительницы и страны побежденные. В странах побежденных, как Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, или неудовлетворенных, но с пробудившимися империалистическими аппетитами (Италия) имущие классы, военная каста и интеллигенция под влиянием национального унижения, сократившихся экономических возможностей или разбитых надежд на мировое господство и на экономическую экспансию, прониклись настроениями реванша и крайнего национализма. Демократия, передавшая после войны власть в руки глубоко-миролюбивых трудовых и рабочих масс, являлась в глазах этих слоев непреодолимым препятствием для планов реванша и подготовки новой войны. Устранение демократии и восстановление террористической диктатуры, передающей господство в руки военных и националистических слоев, являлись в этих странах необходимым подготовитльным этапом для возрождения милитаризма и империализма. Капиталистические круги, толкаемые ненавистью к рабочему классу и к его социальным завоеваниям в послевоенную эпоху, поддержали фашистское движение не только по указанным выше империалистическим соображениям, но еще и потому, что надеялись при его помощи «обуздать зазнавшихся рабочих». Но решающим моментом в этой регрессивной эволюции явился тот факт, что средние классы в широком смысле этого слова, экономически раздавленные послевоенным развитием капитализма, аграрным кризисом, инфляцией, страдающие от перепроизводства интеллигенции, морально уязвленные в своем социальном самосознании гегемонией пролетариата внутри страны при режиме демократии, и национальным унижением на международной арене, кидаются в об'ятия фашизма, который своей демагогией льстит их классовому сознанию, отводит им почетное место в государстве и открывает им перспективы нового блестящего будущего на основе империалистического реванша (завоевание «местечка на солнце» и новый передел мира).

С другой стороны, враждебные или равнодушные к демократии настроения возникают и в известных слоях самого пролетариата. Значительные слои рабочих под влиянием большевистской революции подпадают под власть большевистско-диктаторских и утопически-революционных настроений. Широкие слои рабочей молодежи, уже выросшие при демократии и получившие демократические блага без борьбы, не отдают себе ясного отчета в том, что фактически означает отсутствие политических прав, и недооценивают значение политической демократии. А значительные слои рабочих, приведенных мировым экономическим кризисом в состояние долголетней безработицы и ею деморализованные, становятся легкой добычей антидемократической и фашистской демагогии.

Всем этим создается массовая база для фашистского движения. Нео-империализм фашистского периода, в отличие от классического империализма до-военной эпохи, опирается на поддержку широких слоев населения. Так, фашизм, в конечном счете порожденный мировой войной и ее последствиями,

сам становится основным фактором, создающим опасность новой войны.

Борьба за сохранение демократии и восстановление ее там, где она уничтожена, диктуется не только потребностями рабочих масс и интересами их борьбы за социальный прогресс, но и стремлением предотвратить катастрофу новой мировой войны.

Тактика пролетариата в этой борьбе за демократию в высокой степени определяется специфическими условиями данной страны. При том разнообразии политической обстановки, которая наблюдается в послевоенном мире, невозможно выработать одинаковые для рабочих всех стран конкретные тактические рецепты и правила поведения. Тем не менее можно сформулировать некоторые **общие положения.**

Надо, прежде всего, создать определенную атмосферу в самом рабочем классе, чтобы сами широкие массы пролетариата прониклись глубоким сознанием, что демократические учреждения (политическая демократия), несмотря на всю свою недостаточность и ограниченность с точки зрения стремящегося к социализму рабочего класса, представляют собою тем не менее для рабочих масс и принципиально и практически настолько значительную ценность, что заслуживают самой решительной защиты. Необходима, поэтому, решительная борьба против той недооценки политической демократии, которая, под влиянием целого ряда условий, возникла и распространилась в широких массах рабочих некоторых стран. Особенно сильно разочарование в демократии проявилось под влиянием победы гитлеризма в Германии, совпавшей с периодом кажущихся головокружительных успехов большевистской диктатуры в России. Пренебрежительное отношение к самой идее демократии, жажда революционного возмездия и реванша по адресу имущих классов, установивших свое фашистское господство над пролетариатом, культ идеи пролетарской диктатуры на известное время охватили широкие слои пролетариата и социалистической интеллигенции в странах торжествующего или близкого к победе фашизма. Но дальнейшее политическое развитие, растущее разочарование в сталинской диктатуре в России и, в особенности, внутренние потребности антифашистского движения, победа которого невозможна без пробуждения идеи свободы и демократии в широких слоях населения и средних классов, все больше заставляют революционно настроенных пролетариев пересмотреть свое прежнее отношение к демократии. Таким образом, создается благоприятная обстановка для более правильной оценки значения демократии для борьбы пролетариата.

Вместе с тем все больше выясняется, что при всех трудностях создавшегося об'ективного соотношения сил и при всей наличности антидемократических и фашистских тенденций в определенных слоях населения во всех странах, уцелевших от фашизма, демократия тем не менее может быть удержана и спасена при целесообразной и искусной тактике рабочего класса и его авангарда — социалистической партии. Степень реальности и прочности этой демократии будет тем больше, чем значительнее будет влияние рабочих масс и социалистической партии на политическую жизнь страны, чем большим социальным содержанием будут наполнены рамки демократических институций.

При наличных тенденциях послевоенного развития капитализма, характеризуемого замедлением в численном росте пролетариата и усилением социального веса т. н. «средних классов» в широком смысле этого слова, одним из основных условий для успешности борьбы за сохранение и расширение демократии является уменье социалистического пролетариата находить союзников среди других классов, в особенности среди этих «средних классов». Изоляция пролетариата всюду ведет к победе фашизма (Италия, Германия, Австрия). Одной из важнейших стратегических задач пролетариата в данную эпоху является — поэтому — предотвратить политическую и психологическую изоляцию рабочего класса и установить его сотрудничество с другими, ему социально близкими слоями населения.

Это сотрудничество со средними классами, в первую очередь крестьянством, как в скандинавских странах, или с городской мелкой буржуазией и интеллигенцией — как в других странах, может быть достигнуто лишь на основе соглашения и взаимных социально-экономических и политических уступок на основе демократии. Попытка навязать силой этим слоям гегемонию и руководство пролетариата может лишь толкнуть их в об'ятия фашизма.

Формы этого сотрудничества с другими классами во имя спасения самой основы демократической государственности могут быть самые разнообразные, от образования коалиционных правительств (правительство «Народного Фронта», во Франции или в Испании) до создания меньшинственных правительств из одних социалистов (в скандинавских странах). Но такого рода сотрудничество с другими классами будет эффективно и будет вести к цели только в том случае, если оно не примет формы вульгарного министериализма, если рабочая партия не превратится в придаток к буржуазным партиям, а будет выступать с яркой и определенной программой, накладывая свой отпечаток на политику страны и правительства.

Свою готовность итти на величайшие уступки и компромиссы с другими демократическими силами страны для защиты политической демократии социалистическая партия должна сочетать с твердой решимостью и готовностью, в случае необходимости, защищать демократические институции в открытом бою, не останавливаясь перед самыми крайними средствами. Колеблющиеся в сторону поддержки фашистских тенденций слои населения должны твердо знать, что социалистический пролетариат дорого продаст свою свободу, и что путь к фашизму ведет через гражданскую войну, экономическую катастрофу и национальную гибель.

Влияние рабочего класса на политические судьбы страны и шансы на сохранение демократии путем сотрудничества с другими классами будут тем больше и сильнее, чем больше социалистические партии обнаружат способность и желание защищать национальные интересы народа и страны в целом и дать отпор возможному нападению фашистского блока, подготовляющего свое мировое господство и новый «передел мира». Демократическая политика внутри страны в данную историческую эпоху неразрывно связана с последовательной и решительной тактикой в области международных отношений, направленной на организацию «неделимого мира» и «коллективной безопасности».

Значительную роль в деле защиты демократии играет внутреннее состояние рабочего класса, его идейная сплоченность, его преданность принципам свободы и демократии и, прежде всего, его единство. Раскол рабочего класса и братоубийственная борьба внутри его повсюду облегчали победу фашизма и являлись одной из основных причин поражения демократии. Борьба за единство пролетариата на основе демократии является поэтому одновременно и борьбой против фашизма. Но даже там, где пролетариат расколот, совместные действия («Единый Фронт») социалистических элементов с коммунистическими (или анархо-синдикалистскими, как в Испании), поскольку последние искренно становятся на точку зрения защиты демократических институций, могут представлять собой большую и реальную ценность (как во Франции в 1935-7 г.г. или в Испании в 1936-1938 г.г.). Однако, более далеко идущие шаги на пути организационного слияния социалистов с коммунистами могут

при нынешнем состоянии коммунистического движения и его полной внутренней зависимости от сталинского правительства в Москве, стать опасными не только с точки зрения пролетарского движения в целом, но и под углом зрения непосредственных интересов борьбы против фашизма. Тактика «единого фронта» должна поэтому расцениваться под углом зрения тех конкретных результатов, к которым она приводит в каждой стране в процессе борьбы за сохранение демократии. Только коренное изменение курса большевистской политики в России в сторону перехода к демократии и примирения со средними классами могло бы поставить на более универсальную и общую почву вопрос о восстановлении пролетарского единства во всех странах и в международном масштабе.

С этой точки зрения, борьба за демократическое завершение русской революции путем последовательной критики террористической диктатуры сталинского режима и поддержки всех тенденций к установлению в России политической демократии является одной из важнейших международных проблем современной эпохи и должна составлять неот'емлемую часть общей борьбы социалистического пролетариата за демократию и социализм.

ЗАГРАНИЦЕЙ

К ОБ'ЕДИНЕНИЮ СИЛ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Аннексия Австрии поставила в порядок дня вопрос об об'единении двух ветвей немецкой с.-д. рабочего движения — германской и австрийской.

Как само собою понятно, об'единение это наталкивается на значительные трудности, вытекающие из более чем полувекового раздельного развития этих ветвей. Оно еще осложняется тем, что осуществлять его приходится в обстановке эмиграции и в условиях крайней раздробленности германского крыла с.-д. эмиграции и наличия острых конфликтов и трений между различными группами внутри этого крыла.

Таким образом инициатива в работе над об'единением выпала, естественно, на долю австрийской с.-д. эмиграции, выгодно отличающейся от германской своею идейною и организационною сплоченностью. После предварительной дискуссии о задачах и методах «концентрации» на страницах «Социалистишер Кампф», Заграничная Делегация австрийских революционных социалистов выработала нижеследующий **проект образования картеля** немецких социалистических организаций, — как первого шага на пути к полному об'единению:

1. Австрийские Социалисты (Р. С.), Социалдемократическая партия Германии (Сопаде), Об'единенная организация германских социалдемократов во Франции, социалдемократическая организация «Ней Бегиннен» и Социалистическая Рабочая Партия Германии (С. А. П.) образуют, в качестве первого шага к концентрации социалистических сил, картель немецких социалистических организаций.

2. Картель представляет собою об'единение для совместной работы, внутри которого пока что сохраняется политическая и организационная самостоятельность картелирующихся организаций. Каждая организация посылает в картель двух представителей. Картель принимает решения не большинством голосов, а лишь единогласно, так что ни одна из входящих в картель организаций не может быть майоризирована другими.

3. Своею ближайшею задачею картель ставит достижение соглашения и сотрудничества в следующих областях:

а) общие политические выступления немецкого социалистического движения против военной политики национал - социализма, против важных мероприятий национал - социалистического режима и против террора;

б) техническая и политическая помощь социалистическим группам, действующим в Германии, координацией работы внутри страны;

в) совместная работа в деле помощи беженцам и во всех вопросах, касающихся положения немецких эмигрантов в различных странах;

г) организационное сплочение немецкой социалистической эмиграции;

д) содействие социалистической молодежи в ее стремлении к концентрации;

е) общие выступления в сношениях с другими политическими группами и комитетами немецкой эмиграции.

4. Для предотвращения дальнейшего дробления заграничной работы немецкого социалистического движения и возможного устранения ныне существующего организационного параллелизма, об'единяющиеся в картель организации соглашаются:

а) не создавать впредь, помимо уже существующих, новых органов или учреждений организационного характера (газеты, журналы, бюллетени, беженские комитеты и т. д.) или создавать их не иначе, как по соглашению с другими организациями картеля;

б) по взаимному согласию пользоваться совместно уже существующими органами и учреждениями организационного хараактера;

в) во всех случаях, когда будет достигнуто такое согласие о совместном пользовании, подготовлять постепенно слияние учреждений организационного характера, поручая работу в них компетентным товарищам или совместно составленным комитетам.

5. Рассматривая идейное обновление немецкого социализма, как важную предпосылку дальнейшего организационного и политического об'единения, об'единяющиеся в картель организации будут совместно работать над изучением проблем немецкого фашизма, международного рабочего движения и немецкой социалистической революции, как путем свободного дискутирования этих вопросов на страницах издаваемых ими органов, так и путем создания кружков для совместной теортической работы.

От редакции. В нумерацию трех последних номеров «Социалистического Вестника» вкрались опечатки — в цифрах, поставленных в скобки. С настоящего номера нумерация дается снова правильно.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Labour and the Popular Front. Published by the Labour Party. London.

9 Oeuvres d'Art Sauvées. Ed. par le Service d'Information de l'Office National Espagnol du Tourisme.

CNT et *FAI.* La Liberecana Sintezo. N° N° 5, 6, 7.

L'Echo de la Lutte (на грузинском языке) № № 3, 4.

RS-Korrespondenz. Mitteilungen der Auslandsvertretung der österreichischen Sozialisten. Nr. 3.

La Grève de la Métallurgie Parisienne, 24 mars-16 avril 1938. Publié par le Parti Communiste Internationaliste (IVe *Internationale*).

Socialist Review, Vol. 6, Nr. 7.

L. Martov. The State and the Socialist Revolution. New-York. Price 25 cents.

Под этим заглавием нью-иоркское издательство журнала «International Review» выпустило в виде брошюры печатавшийся в этом журнале английский перевод значительнейшей части глав «Мирового большевизма».

Der Sozialistische Kampf, N° N° 2, 3, 4, 5.

La Révolution Prolétarienne, N° N° 272, 273, 274, 275, 276.

Katia Landau. Le Stalinisme en Espagne. Préface d'Alfred Rosmer. Spartacus, Cahiers mensuels, N° 11. Prix 2 francs.

Neuer Weg, N° N° 2, 3.

Nouveaux Cahiers, N° N° 27, 28, 29, 30.

Heures Perdues, N° 54.

FSI et *IOS.* Action de Secours pour l'Espagne.

Que faire?, N° 43.

Delnicka Osveta, N° N° 5, 6.

La Vérité, N° 2.

Deutschland-Berichte, N° 4-5.

Proletarian Outlook, N° N° 6, 7, 8.

Informations. Sur le mouvement international de solidarité envers les victimes du fascisme et de la guerre. N° N° 1, 2, 3, 4.

Русские Записки. Июль 1938.

Бюллетень оппозиции, № 66-67.

Знамя России, № № 6, 7-8.

Новая Россия, № № 47, 48, 49, 50.

Голос Отечества, № № 4, 5.

Українська Воля, № 3.

Н.К.Т., М.Г.Р. и **И.Ф.А.** Информационный бюллетень. № № 40-48.

Le Gérant : **Paul Colliette** Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.